

18+

Сейтек Нарынский

АЗАТ И ЧАРОДЕЙ

Сочетание литературы и кинематографа

Сейтек Нарынский

**Азат и Чародей. Сочетание
литературы и кинематографа**

«Издательские решения»

Нарынский С.

Азат и Чародей. Сочетание литературы и кинематографа /
С. Нарынский — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-834508-1

Люди часто защищают себя от горькой правды и создают идеальную историю. Кирилл и Азат — два совершенно не похожих друг на друга человека, но это не мешает им быть близкими друзьями.

ISBN 978-5-44-834508-1

© Нарынский С.
© Издательские решения

Содержание

Предисловие	6
Глава 1	7
Глава 2	11
Глава 3	15
Глава 4	18
Глава 5	23
Глава 6	27
Глава 7	31
Глава 8	35
Глава 9	38
Глава 10	42
Конец ознакомительного фрагмента.	45

Азат и Чародей

Сочетание литературы и кинематографа

Сейтек Нарынский

© Сейтек Нарынский, 2024

ISBN 978-5-4483-4508-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Предисловие

Роман имеет недвусмысленный подзаголовок: сочетание литературы и кинематографа. Литература плюс кинематограф. Этим и объясняется обилие диалогов – своего рода сценарий.

Некоторым покажется, что сюжет чрезмерно киношный, а диалоги кое-где слишком красивые, слишком книжные. «Не разговаривают люди так в реальной жизни!», – должно быть, пробурчит читатель. Невозможно не согласиться с ним. Но просмотрев 38-ю главу, он поймет, в чем дело. «Вот оно что! Теперь все встало на свои места!», – воскликнет пораженный читатель. Не исключено, он будет впоследствии несколько раз перечитывать все произведение, качая от шока головой.

«Азат и Чародей» – психологический роман. Имея 40 небольших, легко читаемых глав, он начинается так: «Лихо въехав в распахнутые настежь университетские ворота, я направил подаренный отцом „макларен“ туда, где стояли автомобили преподавателей и студентов. Припарковавшись возле „мерседеса“ ректора, я неторопливо пошел в сторону главного корпуса, там находился мой факультет». Это самый первый абзац книги. Дальше уже начинается необычный рассказ. Длится он до конца 37-й главы.

Люди зачастую уходят от горькой правды и создают идеальную историю. Естественное явление, совсем не редкое. Только вопрос: какую правду узнал главный герой Кирилл, от лица коего ведется повествование? Спойлерить не будем, но скажем, что правда сия стала травмой для Кирилла, травмой настолько сильной, что он придумал красивый сюжет, который, надемся, понравится читателю. Уход от реальности – центральная тема романа.

Кто-то сочтет «Азат и Чародей» панегириком Джеймсу Кэмерону. Автор немного поправил бы придерживающихся такого мнения: данная книга – панегирик не Кэмерону, а его творчеству. Выдающийся канадский мастер, придумавший и снявший немало культовых лент восьмидесятых и девяностых, удостоился звезды на знаменитой голливудской «Аллее славы» относительно недавно. Это немного несправедливо, согласитесь. Заслуги Кэмерона в мире кинематографа действительно велики. Он не просто талантливый создатель зрелищных блокбастеров, но и очень интересная личность. Его фильмы гораздо глубже, чем кажутся на первый взгляд. Они – не развлекательное кино, поверьте.

Стоит отметить, «Азат и Чародей» – дань уважения вообще-то всем режиссерам. Почему режиссерам? Потому что режиссер – человек, который стоит за фильмом, хоть сам зачастую остается в тени актеров. Если вас спросят, кто снимался в таком-то фильме, вы назовете, как минимум, двух-трех актеров, но сможете ли вы назвать имя режиссера? Возможно, наиболее эрудированные смогут, но большинство – не в силах. Поэтому, написав свою книгу, автор хотел пробудить в сердцах поклонников знаменитых лицедеев симпатию и к режиссерам, этим вспыльчивым, нервным людям, не выбирающим выражения на съемочной площадке. Аналогично – обожествляя певца, стоит помнить и про поэтов-песенников с композиторами.

Воспевает «Азат и Чародей» в основном любовь к книгам, знаниям, любовь к жизни, воспекает дружбу между представителями разных национальностей, религий и социальных слоев. Многих роман выведет из депрессии и вдохновит на великие идеи и подвиги.

Присовокупляем в конце предисловия: «Азат и Чародей» не несет в себе никакой рекламы, не имеет никакого отношения к маркетингу. В книге излагаются общеизвестные факты. Воспринимайте ее просто как обычную беллетристику, искреннюю, познавательную, гуманную.

Глава 1

Лихо въехав в распахнутые настежь университетские ворота, я направил подаренный отцом «макларен» туда, где стояли автомобили преподавателей и студентов. Припарковавшись возле «мерседеса» ректора, я неторопливо пошел в сторону главного корпуса, там находился мой факультет.

Учебный год стартовал еще первого числа, и я изрядно опоздал. Впрочем, я постоянно опаздывал, и мне неизменно прощалось безалаберное отношение к уставу вуза, я нарушал его бесчисленное количество раз. Любой другой давно был бы исключен, но я все еще числился в студентах.

Я заметил на длинной скамейке незнакомых девчонок, бросающих на меня любопытные взоры и шушукающихся между собой. Первокурсницы. Они, конечно, только сейчас видят меня вживую. Я акцентирую слово «вживую», потому что мою большую фотографию, висевшую на стене у входа рядом с фотографией ректора, и под которой толстыми печатными буквами было написано мое имя и титул, они, разумеется, видели каждый божий день. Установили ее туда три года назад, когда я путем голосования был избран президентом университета. Позже это скромное звание переименовали на «король студентов».

Задержав глаза на первокурсницах и отметив про себя наиболее хорошеньких, я начал подниматься по парадной лестнице.

– О, его величество! – прогремели голоса друзей, и навстречу мне вниз по ступенькам побежали Володя и Сыргак.

– Наконец-то ты появился. Мы удивляемся, что это вдруг погода прояснилась, а оказывается, наш Кир вернулся, – восклицали они, горячо пожимая мне руку.

– Тебе к лицу средиземноморский загар, – сказал Сыргак. – Ты прям как мачо.

– А когда я им не был?

– Что правда, то правда.

Мы поднялись по лестнице вместе. Друзья были рады. А как же им не радоваться: возвратился спонсор вечеринок и посиделок.

В коридоре встретился ректор. Мы с ним поздоровались, и он спросил:

– Кирилл, как прошли каникулы?

– Жаловаться не стану.

– Ты же на французской Ривьере отдыхал? Канны, Ницца?

– В Антибе. В Ницце и Каннах тоже был. Но большую часть времени в Антибе провел.

– А-а, понятно. Что ж, с возвращением!

Мы двинулись дальше.

– Ну, как у вас тут? – без всякого интереса осведомился я. – Какие новости? Никто не приставал к королеве?

– Что ты, брат! – вскричал Сыргак. – Здесь нет самоубийц.

– Шучу. – Я весело засмеялся. – Расслабьтесь, она не дала бы никому шансов.

– Это точно, никак не возразишь, – отозвался Володя, воровито отводя глаза в сторону.

Когда мы поднялись на второй этаж, где должен был начаться урок, Володя вдруг оборотился:

– Знаешь, у нас новичок. Перевелся из другого универа. Киношная внешность, ей-богу.

– Да мне по барабану.

– Ничего особенного. Полный отстой, – вставил Сыргак.

– Парень совсем не отстой, – возразил Володя. – Он очень красив. Ты сам сейчас убедишься. Всего лишь несколько дней в группе, а успел снискать симпатию у девушек и преподавателей. Привлекательный ботаник, короче.

– Ух, сюрприз не из приятных, – насторожился я почему-то. – Позволь догадаться, Наташка очарована?

– Как бы сказать...

– Давай выкладывай, не юли. Как она относится к нему?

– Не сказал бы, что с ума сходит, но пару раз говорила, что он очень даже ничего.

– Кир, не беспокойся, – заметил Сыргак. – Она любит лишь тебя.

– Благодарю, дружище, утешил, – молвил я.

И все-таки меня разбирало любопытство. Я заметно ускорил шаг: хотелось посмотреть на этого новичка.

В аудитории я, как обычно, был встречен восторженными криками. Девчонки лыбились и махали ручками. Парни угодливо аплодировали. Наташка бросилась ко мне, схватила за плечи и страстно поцеловала. Крепко сжав ее в объятиях, я смотрел по сторонам, ища человека, сам того не ведая вызвавшего во мне бурю противоречивых чувств.

И внезапно глаза мои остановились на высоком парне, который стоял у окна и смотрел куда-то вдаль. Понятия не имею, наблюдал ли он за облаками, медленно меняющимися свои очертания на осеннем небе, или объектом его внимания было что-то другое, но он даже не отреагировал на шум, вызванный моим появлением. Возникло впечатление, что его душа улетела далеко-далеко, а тело застыло здесь. Я видел лишь затылок и спину.

Отпустив Наташу, я направился к нему.

– Эй, привет!

Тот не повернулся.

– Привет! – повысил я голос.

Он продолжал смотреть в окно. «Ничего себе! – подумал я. – Не статуя ли это?».

Я подошел к нему.

– ... весь день стоит как бы хрустальный, и лучезарны вечера... – бубнил он самозабвенно.

Лишь когда я тронул его за плечо, он вздрогнул и повернулся.

Необычайно красивое киргизское лицо – вот что предстало передо мной. Черные густые брови, темно-карие глаза миндалевидной формы, небольшой нос с еле заметной горбинкой, благородный лоб, обрамленный волнистыми волосами, азиатский подбородок, лишенный намека на жир, – да, этот юноша был невероятно хорош собой, на редкость хорош. Таких без колебаний берут в кино. Он мог бы сыграть роль молодого хана.

– Что ты так задумался? – иронично спросил я и протянул руку. – Меня зовут Кирилл.

– Рад с тобой познакомиться, Кирилл. Меня зовут Азат. Я недавно перевелся к вам из другого вуза.

– Знаю, – ответил я, сильно сжав его тонкую руку. – Ну, как у нас? Тебе нравится?

– Да, да, конечно, – растерянно пробормотал красавчик, удивленный, вероятно, моим враждебным рукопожатием.

– Ну, тогда добро пожаловать! – сказал я и отошел от него, снедаемый ревностью. Черт возьми, никак не мог предположить, что он окажется настолько смазливый.

– Котик, ты такой загорелый. – Наташа ласково провела по моему лицу. – Боже, как же я соскучилась по тебе. Я боялась, что ты никогда не вернешься.

– Боялась или надеялась?

– В смысле?

– Просто тот парень, новичок, симпатичный малый.

– А при чем тут он? – с укоризной спросила Наташа.

– Ну, я уверен, он любимчик женщин. А ты тоже ведь женщина. Не может быть, чтобы ты осталась равнодушной к нему.

– Котик, для меня существуешь лишь ты.

– Вау, неужели? А ты, оказывается, говорила, что он очень даже ничего.

– Кто тебе донес? Опять твои болтливые сплетницы? Я сказала, что он симпатичный, но не более того... Любимый, не заикливайся на таких мелочах. Я люблю только тебя, – и Наташка прижалась ко мне.

Наташка была высокой блондинкой с огромными голубыми глазами, окаймленными телячьими ресницами. Фигура как у богини. Девушки, подобные ей, украшают обложки глянцевого журналов и шагают по подиуму. Особенно ценил я в ней ноги: абсолютно прямые, упругие, гладкие, бесконечные. Я часто замечал, как мужчины оборачиваются ей вслед.

Мы были с ней вместе два с половиной года. Знаете, мне достаточно легко удалось покорить ее, хотя она из тех, кого называют «недоступными крепостями». До меня кандидатов в ухажеры у нее хватало, а выбор она сделала на мне. Если верить многочисленным подхалимам, то я – номер один, самый-самый и прочее. И все же почему, Наташа, почему именно я?

Но должен признаться, я всегда получал то, что хотел, и тех, кого хотел. Когда я учился еще в школе я без труда отбивал у других ребят их девчонок, и меня совершенно не мучила совесть. Наоборот, я получал удовольствие.

Даже будучи с Наташей, я не прекратил ухлестывать за милашками. Каюсь, я много раз изменял ей. И несколько дней назад, находясь во Франции, я оторвался по полной программе. Да, я подлец, негодяй, папенькин сынок, баловень судьбы. Однако что поделаешь, такова моя сущность. Горбатого могила исправит.

А сейчас, обнимая свою куколку, я терзался мыслью о том, какое чувство она испытывает к новенькому. Зная ее характер, ее вежливую надменность, зная, что она не станет без основания кого-то хвалить, я бесился, думая о комплименте, сделанном ею этому... как его там... Азату. Дьявол! Она не должна была называть его симпатичным! Тут что-то не так! Черт подери этого, как его там, Азата. Нарисовался еще! Не мог выбрать другой университет или хотя бы иную группу. Теперь Наташка будет видеть его каждый день!

Начался урок, а я сидел и поглядывал на новичка. Он очень внимательно слушал лекцию, изредка поворачивая голову в сторону окна. В эти моменты его одухотворенные глаза как будто излучали мягкий свет. Не забывал я следить и за Наташей. Несколько раз мне показалось, она украдкой бросила на Азата взгляд, и это вызывало во мне тревогу. Будь она неладна, лживое создание. Лучше бы она ослепла.

После всех лекций мы с друзьями вышли из аудитории и спустились вниз. Новичок же скрылся в библиотеке медленной, чуть раскачивающейся походкой.

– Слушай, брат, мы тут с Сыргом организуем посиделку в честь твоего приезда, – объявил Володя, когда мы оказались на улице. – Это же традиция: ты всегда приходишь самым последним.

– И, как всегда, посиделка в мою честь будет организована на мои деньги?

– Ха ха ха, на этот раз скидываемся мы вдвоем, – кивнул он в сторону Сыргака.

– Сегодня, что ли? – недовольно пробурчал я.

– Да в любой день, братан, – успокоил меня Сыргак, – не к спеху. Главное, ты приехал, ты здесь.

– Завтра после уроков, возможно, я приду в себя.

– Ну, тогда условились, – обрадованно произнес Сыргак. – Значит – завтра. Кстати, отбрось подозрения. Наташа любит только тебя, и ты это знаешь.

Я сел в «макларен», завел его и через несколько минут уже катил по Джальскому проспекту. Обычно мы с Наташей говорили друг другу «пока» на стоянке, а сегодня это произошло в аудитории. Даже не попрощался с ней нормально. Моя жизнь теперь испорчена появлением в ней, как его там, Азата. А я-то полагал, что проведу этот день как обычно – как король студентов. Черт возьми, неужели Наташа равнодушна ему?.. Всякое возможно: ведь парень

красив настолько, что ни одна девчонка не устоит. Ростом также вышел: сантиметров на десять возвышается надо мной.

Глава 2

Подъехав к воротам нашего дома, я нажал на левую кнопку на малюсеньком пульте, что носил с собой всегда, и они начали подниматься. Опускала их уже правая кнопка на этом крохотном приспособлении.

Берни, наш громадный ротвейлер, подбежал ко мне и, встав на задние лапы, положил передние мне на грудь.

– Отстань! – рявкнул я, грубо оттолкнув его.

Бедный пес обиженно заскулил и поплелся восвояси.

Когда я вошел в дом, наверху, как у нас было в порядке вещей, грохотала ссора.

– Тебе внуков нянчить пора!

– Да и тебе тоже! Строишь из себя двадцатилетнюю. Может, лицо и отремонтировано, но куда тело-то денешь, а? А годы? Годы куда собираешься спрятать?

– Старый козел ты, сволочь! Какая же я дура, что вышла за такую конченную мразь. Как же я ошибалась! Дура я!

– В этом ты права.

– Чего? Ты на что намекаешь?

– На то, что ты дура. Ты сделала чистосердечное признание только что.

– Ах вот значит как. Да ты же...

Я не стал дальше слушать. Закрыв уши ладонями, я взбежал на четвертый этаж, открыл дверь своей спальни, вошел, с яростью хлопнул ею, и подошел к окну.

«Высшие силы, – прошептал я, – помогите, умоляю. Я несчастнейший из людей. Господь, спаси меня, спаси. Прости, что часто забывал о тебе. Я твой жалкий раб. Спаси меня».

Солнце как раз село в этот момент, и весь небосклон озарился нежным розовым светом. Наш четырехэтажный особняк возвышался над всеми домами в Сомовке – районе, где я проживал, – поэтому ничто не могло заслонить от меня чудесный закат. Как же красиво, поражаюсь я, неопишимо красиво. А ведь я и раньше много раз видел закаты. Но именно сегодня любуюсь этой дивной картиной. Почему именно сегодня? Чем особенен сегодняшний день?.. Боже, как странно. У меня будто отлегло от сердца... Да, очень странный день. Никогда в жизни не было у меня подобного дня, никогда еще не бурлила во мне такая чудовищная ревность. Я и представить не мог, что ревность настолько сильное чувство, способное короля превратить в ничтожество... Боже мой, столько переживаний из-за какого-то парня. Ну и что с того, что он красивый? Мало ли на свете красавчиков... Особенный день. Необычный день... Высшие силы, спасибо, что услышали меня. Так полегчало... Эх, уйти бы вслед за солнцем, далеко-далеко. Но ведь солнце опять возвращается. Значит, и мне придется вернуться... Нет, от реальности, от этого поганого дома никуда не уйдешь... Не хочу жить здесь... А небо из розового становится темно-синим. Сумерки. Скоро вызвездит. Хотя, уже наверно появились звезды. Да, вижу пару светил... Вон еще одна... Желаю, чтобы эти секунды длились вечно. Господь, останови время...

В комнате вдруг включили свет. Обернувшись, я увидел свою младшую сестру.

– Стучусь, стучусь, а ты даже не отвечаешь, – сказала Вероника удивленно. – Что с тобой? Что ты делаешь в темноте?

– Да так, любуюсь звездами.

– Ого, с каких пор мой брат стал романтиком?

– Сегодня.

– Хм, и что сегодня такое случилось?

– Да ничего особенного.

– Ладно, не хочешь говорить – не надо. Я не настаиваю. Я просто зашла к тебе сказать, что днем звонил твой тренер. Он спрашивал, вернулся ли ты из Франции. Я ответила утвердительно. И он просил позвонить ему, когда ты придешь с уроков. Если честно, он уже целый месяц звонит. Задолбал вообще!

– Хорошо, я ему позвоню.

Сестра вышла, а я подошел к телефону. Без всякого энтузиазма набрав номер тренера, я стал ждать. Слышались гудки. Трубку подняли.

– Алло, – слышался детский голос.

– Алло, Даку, папа твой дома?

– Да.

– Скажи ему, звонит дядя Кирилл.

– Какой дядя Кирилл?

– Даку, это я, Кирилл. Помнишь, я тебе самолет подарил?

– Самолет? – удивленно переспросил мальчик. – Ты тот самый русский, кого папа называет «бешеный»?

– Он самый.

– Хорошо, щас позову.

Через некоторое время я услышал твердый, как сталь, бас моего тренера.

– Алло, Кирилл!

– Здравствуйте, Минжашар Жакшылыкович.

– Ну, как дела? Хорошо, что позвонил. Что-то мне думается, ты окончательно отрекся от бокса.

– Да нет, Минжашар Жакшылыкович. Просто я был во Франции.

– Знаю, ты каждый год куда-то летаешь. В прошлом году в Эмиратах, кажется, был? И в позапрошлом тоже долго пропадал. В какую же тогда страну ты совершал вояж?

– В позапрошлом? Немного путешествовал по России. Потом был в Прибалтике, в Белоруссии, Украине, а затем в Турции.

– Ты у нас путешественник со стажем. Но рано или поздно корабль должен причалить в родной гавани. Поэтому ты и в Бишкеке, чему я безмерно рад... Ты у меня самый сильный боксер – я тебе тысячи раз это говорил, – и ты тоже прекрасно знаешь. Ты моя надежда, надежда нашего клуба, надежда нашей страны. Каждый раз я беспокоюсь, как бы ты не потерял форму. Я боюсь, что ты лишишься бойцовских качеств. Чрезмерное путешествие, праздное времяпрепровождение, алкоголь – все это ведет к глубокому нокауту в прямом и переносном смысле... В школьные годы ты был просто непобедим. Тогда в тебе жило уважение к строгой дисциплине. После того, как ты стал студентом, у тебя поражения появились. Ты не забыл прошлогоднего нокаута?

– Такое забудешь, – грустно протянул я.

– Вот видишь, причина всему этому – ты отдалился от нас. К тому же, я много раз слышал, что ты применяешь бокс вне ринга. Кирилл, это нехорошо. Когда ты на ринге, бей, круши – никаких проблем. Но находясь на улице, никогда не смей махать кулаками. Я тренировал тебя с детства не для того, чтобы ты наводил ужас на общество. Я вкладывал в тебя весь мой энтузиазм для того, чтобы мир видел гордо реющий флаг нашей страны и слышал торжественную мелодию нашего гимна. Мы – молодое государство. Нам необходимо громко заявлять о себе. Именно мы, спортсмены, несем ответственность за это, тебе понятно?

– Да, конечно, – ответил я.

– Это я и хотел тебе сказать. Кирилл, дорогой, ты – прирожденный боец. Ты – самый лучший и любимый из моих учеников. Я не хочу потерять тебя. Ты нужен нам. Очень скоро состоятся крупные соревнования – чемпионат СНГ. Кирилл, ты будешь биться там. Ты должен готовиться. Ты понимаешь, о чем я? Чемпионат пройдет в феврале в Алматы. Ты поедешь туда.

Осталось немного времени – пять месяцев. Ты не будешь участвовать в отборочных турнирах. Понимаешь? Я все уладил в федерации бокса. Не хватало еще, чтобы ты получил травму. Ты должен поехать в Казахстан абсолютно свежим и без изъязнов. Тогда у тебя больше шансов победить. Да никто и не сомневается, что ты самый сильный в своей весовой категории, не один раз ты доказывал это. Не подведи нашу страну, понял?

– Да, Минжашар Жакшылыкович.

– Так что, завтра бегом в «Огненные перчатки». Я жду тебя.

– Завтра? – кисло спросил я.

– Конечно! Тебя что-то не устраивает?

– Но ведь завтра у меня дела в университете, неотложные, – соврал я.

– Тогда послезавтра! Обязательно приходи!

– Хорошо.

Положив трубку, я упал на кровать. Устало закрыв глаза, я начал вспоминать финальный бой чемпионата Азии среди любителей, проходившего в Шанхае. Я четко помнил тысячи и тысячи китайских лиц, заполонивших огромный стадион. Передо мной стоял мой противник – жилистый китаец по имени И Ка Си. Рефери из Бангладеш на ломаном английском перечислял нам правила. Мой визави смотрел на рефери и спокойно кивал головой, подтверждая свое согласие беспрекословно следовать им. А я агрессивно вперил в китайца глаза, желая сломить его дух еще до начала боя – давно проверенный способ. Он изредка поглядывал на меня и снова отводил взгляд, сосредоточив внимание на судье.

Рефери кончил болтать, и мы приготовились. Ударили в гонг, и я атаковал. Я хотел заставить противника врасплах, но ничего не получилось. Он оказался обладателем превосходной реакции и интуиции. С легкостью минуя мои удары, И Ка Си успевал еще и наносить чувствительные хуки. Это меня окончательно разъярило, я бился, забыв об осторожности и игнорируя советы, которые кричал Минжашар Жакшылыкович. Китаец же, в полную мне противоположность, сохранял невозмутимость и хладнокровие. Я наступал и загонял его в углы ринга, но он выходил блестяще из таких неприятных ситуаций. Близился к концу первый раунд. Остались считанные секунды.

«Что ж, я уложу тебя во втором раунде, – мелькало в мыслях. – Нет, второй раунд мне не нужен! Я вижу, у тебя открыта левая челюсть. Я проникну туда!». Я занес руку для нокаутирующего удара и в этот только момент понял, что противник специально открылся, чтобы перехитрить меня. Было уже поздно. Ничего нельзя было исправить. Мощнейший апперкот – и я провалился в «угольную шахту». Глаза мои застлал мрак... Казалось, это длится целую вечность... Постепенно тьма начала рассеиваться, и я различил смутные очертания каких-то лиц. Они светлели и светлели, пока не превратились в лица склонившихся надо мной докторов. Нашатырный спирт и натиранья висков ускорили приход в сознание. Я заметил также моего тренера, озабоченного уставившегося на меня. Даже оппонент мой нагнулся и сочувственно тараторил мне что-то.

Стадион скандировал имя победителя и название своей страны: И-Ка-Си! И-Ка-Си! Джонг-гуо! Джонг-гуо! И-Ка-Си! И-Ка-Си! Джонг-гуо! Джонг-гуо!

Когда я встал, поддерживаемый докторами, тренером и И Ка Си, стадион взревел, приветствуя и меня: Ки-рилл! Ки-рилл! Ки-рилл!

Человек, который несколько минут назад отправил меня в глубокий нокаут, теперь, как ни в чем не бывало, посадил себе на шею и пронес по всему рингу. Тем самым он выразил почтение к своему сопернику.

Да, я проиграл и приехал в Бишкек с серебряной медалью и психологической травмой. Никогда раньше я не падал в нокаут. Конечно, нокауты имели место, но нокауты – нет. Долго не мог я оправиться от депрессии. Не мог я простить себя за оплошность, которую допустил.

Минжашар Жакшылыкович утешал меня, как мог. Он говорил, что даже великие боксеры не раз претерпевали то же самое. Все тщетно: его увещевания не помогали. Я уже с полной уверенностью мог бы завершить занятия боксом. Однако Минжашар Жакшылыкович не хотел меня потерять. Он снова и снова толкал меня на тренировки и спарринги.

Если честно, я сам виноват в том, что произошло в Поднебесной. Действительно, поступив в университет, я стал меняться. Правда, и в школе нельзя было причислить меня к лику святых, но университет испортил окончательно. Студенчество, по-видимому, пошло мне не на пользу. В школе-то я хоть тренировки не пропускал, а тут количество моих тренировок сократилось, я стал сачковать. Я решил, что лучше тусоваться в ночном клубе и пить прохладительные напитки, чем проливать пот в боксерском клубе.

Даже после знаменательного поражения я продолжал свое непохвальное поведение. Более того, я сделался еще хуже. Совершенно потеряв к боксу интерес, я вымещал злость на обычных людях. Тот проклятый нокаут превратил меня в настоящего подлеца.

Бедный тренер, осознавая, что я пропадаю, не отступал и назойливо пытался пробудить во мне прежнее рвение. Я очень уважал его, потому и таскался в зал, но делал это нехотя. Если бы я послушался Минжашара Жакшылыковича, то обидел бы его.

Лежа на кровати, я проклинал всех – родителей, тренера, мою девушку, этого... новенького. «Пропади они пропадом!» – буйствовала душа.

Из домофона, висевшего над кроватью, я слышал крикливый голос нашей кухарки:

– Кирилл Игоревич, ужин готов. Все уже собрались за столом. Вы вообще не отвечаете.

– Все сговорились против меня! – заорал я в бешенстве. – Все вы сговорились против меня! Это какой-то розыгрыш! Злой умысел!

Чертыхаясь от гнева, я спустился в столовую.

Глава 3

Я провел тяжелую ночь, а утром поехал в университет в угрюмом настроении. Глаза мои покраснели настолько, что тошно было видеть себя в зеркале.

На меня опять смотрели неотрывно, но мне было все равно. У входа я остановился около своей фотографии и постоял немного, окидывая ее презрительным взглядом.

– Король студентов, – буркнул я, – никакой ты не король, оказывается.

С отвращением сплюнув, я вошел в здание. Я шагал со свирепым лицом, и все студенты и преподаватели освобождали дорогу. Не заметил даже протянутой руки ректора, прошел мимо. Я был готов разорвать первого встречного, кто подойдет ко мне с любыми словами.

Когда я переступил порог аудитории, никто не шелохнулся. Даже Володя с Сыргаком остались на месте. За эти годы все они усвоили один урок: когда Кирилл Арсеньев не в духе, с ним лучше не заговаривать. Наташа тоже не посмела приблизиться.

Внезапно я увидел, как Азат встал и подошел ко мне своей медленной, чуть раскачивающейся походкой. Я сжал кулаки.

– Привет, Кирилл, – ласково поздоровался он, протягивая руку.

Наступила гробовая тишина. Все замерли.

– Привет, Кирилл, – все так же ласково, но с некоторой растерянностью повторил Азат.

Все молчали. Конечно, никто из них не сомневался, этот несчастный, дерзнувший нарушить непререкаемое табу, в лучшем случае будет грубо послан на три буквы.

– Я видел, у тебя нет настроения, – молвил новичок. – Просто хотел спросить, что с тобой не так. Извини.

Он уже опускал руку, когда я схватил ее со словами:

– Здравствуй, Азат! Все в порядке.

По аудитории пронесся гул изумления. Только что на глазах у ошеломленных студентов произошло чудо. Никому не верилось.

Азат, добро улыбнувшись мне, пошел обратно на свое место, а я сел на свое. Тишина продолжала властвовать, и ни у кого не хватило смелости прервать ее.

Боковым зрением видел я, как юноши и девушки смотрят то на меня, то на Азата, то переглядываются между собой, удивленно покачивая головами. Естественно, их можно было понять: ведь я никогда не пренебрегал своими принципами и вдруг – о боже – сделал такое исключение. Да еще для кого? Для того, кого имел мотив уложить в первую очередь, так как моя девушка назвала его симпатичным.

Ни во время уроков, ни на перемене никто не обратился ко мне, потому что я еще не снял сердитую «маску». Но к концу последнего урока она потихоньку начала «сползать», и мое лицо приняло более радужное выражение. Наташа заметила это, и, когда дали звонок об окончании занятий, подошла ко мне с нежным, обеспокоенным видом.

– Мой богатырь, – промурлыкала она, обнимая и целуя, – ты плакал?

– Не спал. Вернее, очень плохо спал. Просыпался часто. Нервничал, бесился. Бессонница, короче!

– Прислонись головой к моей груди и поспи немного.

– Ты, что, с ума сошла? – вскричал я без злости. – Прямо здесь, что ли?

– Ну конечно, здесь. Все уйдут, и останемся только мы с тобой.

– Хм.

– Милый, я так соскучилась по тебе. Ты уехал на Лазурный Берег в июне, и до вчерашнего дня мы находились очень далеко друг от друга. Мы всегда путешествовали вместе, никогда не разлучались, а в этом году ты поехал один.

– Накануне вылета я тебя предупреждал, что купил билеты, и завтра летим. А в день вылета мы с отцом заезжали за тобой.

– С отцом? – прервала Наташа.

– Конечно. Должен же кто-то машину из аэропорта пригнать.

– А был же водитель?

– Он уволился... Короче, когда мы за тобой приехали, тебя не было дома.

– Мой дядя умер, и нашей семье срочно пришлось уехать.

– Вполне могла позвонить и предупредить. Я бы сдал билеты обратно.

– Но ведь у меня не было времени, милый. Я сидела и дожидалась тебя, когда нам внезапно доложили страшную весть. Я звонила тебе, но твоя домработница ответила, что ты уже уехал.

– Блин, ты даже не представляешь, как я нервничал. Не сомневался, что ты меня кинула, предательски вонзила нож в спину.

– Я тебя кинула?! Это ты меня кинул! После того, как ты уехал, я звонила Веронике и спрашивала, в каком городе ты остановишься. Она сказала, что будто бы в Каннах. Я даже заехала в турфирму и пробила телефонные номера всех отелей в Каннах. Потом я делала международные звонки в эти отели, однако тебя не оказалось ни в одном из них.

– Дурочка, я все лето провел в Антибе. В Канны я поехал лишь в начале сентября и то лишь один день пробыл. Канны и Ницца мне особо не понравились.

– Вот как? А Антиб чем понравился?

– Там красивые девушки, – проговорился я. – Ой, я хотел сказать: «красивая природа».

Наташа пытливо воззрилась на меня, и я в смущении опустил глаза, но вдруг разозлился и храбро встретил ее взор. Наступила длительная пауза.

– Знаешь, ты мог бы и выразить соболезнование по поводу смерти моего дяди, – сухо прервала она паузу.

– Царство ему небесное!

– Кстати, очень благородно было с твоей стороны поздороваться с Азатом. Я боялась, ты не сможешь сдержать себя.

– С чего это ты беспокоишься за него? – Я нахмурился. – Почему ты боялась?

– Он очень хороший человек. Он не заслуживает того, чтобы его били.

– Да? И почему такая уверенность?

– Это видно. У женщин есть интуиция, которая никогда их не подводит. Я чувствую, Азат – на редкость хороший человек.

– На редкость хороший человек? – с сарказмом повторил я. – Ты хотела сказать «на редкость красивый человек»?

– А при чем тут это? Меня ни разу не впечатляла мужская красота. Как женщина, я подтверждаю, что Азат привлекательный юноша, но...

– Слушай, заткнись, а!

– Нет, не заткнусь! – огрызнулась Наташа. – Да, он красив! Но мне плевать на его красоту! Я говорю сейчас о его человечности. Он хороший человек. Он совсем не похож на других парней. Обычно красавцы бывают бабниками, а этот вовсе не такой.

– Неужели?

– Да!

– Слушай, Наташка, скажи мне правду – у тебя с ним не было ничего такого?

– Нет! Я все это время любила лишь тебя!

– Зачем ты говоришь в прошедшем времени – любила?

– Потому и говорю!

– А сейчас ты меня разлюбила, что ли?

– Какой ты идиот! – покачала она головой.

– Ответь! Ты сейчас меня разлюбила?

Наташа молчала.

– Я спрашиваю – ты меня разлюбила?

– Мне кажется, это ты меня разлюбил!

– Я?! – недоуменно взревел ваш покорный слуга. – С чего ты взяла, что я тебя разлюбил?

– Сам признался.

– Наташа, говори открыто! Что ты имеешь в виду?

– Ты был в этом проклятом Антибе только затем, что там красивые девушки.

– Ах, вот он что, – проронил я, поняв, что она ревнует. – Наивная моя, неужели ты поверила? Я ж пошутил.

– Знаешь, я все лето тосковала по тебе. Мне так не хватало тебя. Я так скучала. Я плакала каждый день, целуя твою фотографию и прижимая к сердцу, а ты загорал в Антибе в объятиях тупых куриц!

– Наташа, это не так... – стал я лгать.

– Воздухом был твой образ для меня. Я просыпалась и засыпала с именем «Кирилл», а ты... – Она разрыдалась.

Я хотел обнять ее и прижать к себе, посмеиваясь внутри, но она оттолкнула меня и выбежала из аудитории.

Я не стал ее догонять, ибо гордость моя была могущественна.

– Ну и катись к чертовой матери! – кричал я ей вдогонку. – Иди к этому Азату! Может, он тебя утешит! Поплачь у него на груди! Он же хороший человек!

Выйдя из пустой аудитории, я увидел моих друзей, которые дожидались меня, все еще опасаясь приблизиться.

– Эй, вы! – обратился я к ним громко.

Они неуверенно подошли.

– Сегодня мы даже не здоровались, – молвил я. – Давайте хотя бы сейчас сделаем это. Лучше поздно, чем никогда.

Мы поздоровались и, спустившись вниз, вышли наружу. После темнеющей и холодно-ва-той аудитории открытый воздух казался таким светлым и теплым.

– Какой хороший осенний денек, – сказал я, зевая и потягиваясь. – Скоро свечереет. Ну, ребята, что нам делать?

– Вчера мы условились же, помнишь? – напомнил Сыргак.

– Да, да, помню.

– Тогда поедем?

– А куда?

– Как обычно, в ОВ.

– Екарный бабай, снова к этим мошенникам? В городе же полно заведений!

– Просто мы уже, братан, забронировали там место. И телок тоже наняли. Новые. Недавно поступили на работу.

– Новые? – оживился я. – Едем, пацаны, едем.

Глава 4

Казино-бар «Остров везения», по совместительству отель и – прошу прощения – бордель, был самым авторитетным в Бишкеке. Горожане коротко называли его «ОВ». Все здесь стоило очень дорого – вход, обслуживание, трапеза, выпивка и особенно девушки. Поэтому ОВ посещали лишь самые богатые бездельники.

Персонал заведения отлично знал всех постоянных клиентов, потому что таковых было по пальцам пересчитать.

– О, Кирилл Игоревич! – приветствовали меня дюжие охранники. – Долго не было вас, дорогой. Пожалуйста, проходите.

Гостеприимное отношение они проявляли лишь ко мне, ибо догадывались давно, что Володя и Сыргак были всего-навсего моими «придворными».

Все те же лица, подумал я, когда мы очутились внутри. Приди в любое время – одни и те же рожи.

– Как дела, Кирилл, – бросил мне младший сын мэра, азартнейший игрок. – Рад видеть тебя.

– Я тебя тоже, – вяло и неискренне пробормотал я.

– Вчера двадцать штук просадил! А буквально полчаса назад пять штук выиграл. Я счастливчик! – Глаза его округлились, и в них заиграл порочный огонек. – Присоединяйся к нам.

– Нет, – отказался я, а про себя вынес ему вердикт: бедняга, тебе никогда не выбраться отсюда, ты свихнутый маньяк.

Я уже видеть не мог автоматы и рулетку. Вопреки многообещающему названию заведения, мне здесь никогда не везло. Видно, не везло не только мне одному. Вот поэтому и расцветал «Остров везения». Поэтому и были толстыми его два совладельца. Потому и катались эти жиртресты на здоровых «гелендвагенах», так как уже не влезали в обычные машины.

Мы расположились в заранее забронированных покоех. Пришли жрицы любви, официанты принесли вина, яств и... травку. А затем пошло-поехало. Зазвенели бокалы. Застучали ножи и вилки. Заработали челюсти. Задымились трубки, запахло коноплей. Замелькали расплывчатые видения в игривых глазах. Веселее забились сердца, и быстрее зациркулировала молодая кровь.

– Короче, расскажу вам анекдот, – начал Володя. – Собирает царь своих трех сыновей и объявляет: «Ну, дети мои, вы уже давно взрослые мужики, а еще в бобылях ходите. Давайте, женитесь уже! Хочется быть дедушкой, внуков нянчить!.. Возьмите лук и стрелы и стреляйте туда, куда вам заблагорассудится. В кого попадете, с той и обвенчаетесь». Взял старший сын лук и пустил стрелу в сторону гор. Угодила стрела в глаз прекрасной дочери скотовода, и женился он на одноглазой красавице. Второй сын пустил стрелу в направлении ночного клуба. Стрела полетела вихрем и вонзилась в ногу прелестной девушки, танцующей на шесте. Захромала она, но стала женой царевича. Больше всех не повезло младшенькому. Мало того, что он овдовел, даже не женившись, его еще разыскивает милиция. Ведь стрела этого несчастного пустилась туда, где на балконе особняка стояла единственная дочь прокурора, и попала ей прямо в сердце!

Взрыв хохота потряс всю комнату, закачались люстры, задребезжали окна, подпрыгнула посуда на столе.

– А вот еще один анекдот. – продолжил вошедший в страсть Володя, когда хохот ослабел. – Жили-были юноша и девушка. Юноша был – я подчеркиваю – безумно влюблен в нее. Однажды, набравшись храбрости, он сделал девушке предложение руки и сердца. Она ответила: «Я подумаю». Юноша сказал: «Я буду ждать». Она думала и думала, он ждал и ждал... Прошли годы. Он отмечал свой вековой юбилей, когда она пришла к нему и проямлила

застенчиво: «Я шоглашна». И женились они и жили долго и счастливо, то есть одну неделю. А потом их не стало.

Новый взрыв хохота – на этот раз более продолжительный. Мы все хватались за бока, а от напряжения на глаза навернулись слезы.

– Все... все... хорош! – выдавливал я из себя, хохоча. – Все... Володь... хватит рассказывать... Ха ха ха...

Я хохотал, парни хохотали, девушки хохотали. И чем меньше нам хотелось, тем сильнее получался хохот.

Наступила тишина. Мы переглянулись и снова захохотали. Мы не могли контролировать себя. Это значило, что вино и трава, которую тут продавали открыто, делали свое дело. Сумасшедшее веселье длилось около получаса, но мало-помалу хохот сменился смехом, смех – легким смешком, тот – улыбкой, а улыбка, становясь менее диковинной, – серьезным выражением лица.

– Ублюдок, что-то ты рано захотел, – обратился Володя к Сыргаку, который встал и, держа за талию одну из проституток, собрался в смежную комнату. – Обычно тебя от жратвы не оттащишь.

– Куй железо, пока горячо. – многозначительно изрек Сыргак и исчез за дверью со своей избранницей.

Володя называл Сыргака «ублюдком». Нет, не подумайте ничего плохого о его матери. У Сыргака была приличная мать. И приличный отец, кстати. Просто это неблагозвучное прозвище пухлощекий Сыргак получил из-за своей прожорливости. Чрезмерно воздавая должное своему желудку, он всегда находился, как говорил Володя, «у блюда». Право, Сыргак не отходил от стола.

Стоит также отметить, именно Володя дал мне «имя» Кир. Он был начитанный и остроумный. Я порою удивлялся, как высокая эрудированность и низкая пошлость могут сосуществовать в одном человеке.

– Есть три вида женщин, – сказал Володя, обратившись к нам. – Назовите их.

– Блондинка, брюнетка, шатенка, – перечислил я.

– Не-а, не угадали!

– И какие же?

– Умная, глупая, хитрая, – и Володя окинул нас самодовольным видом. – Умная выходит замуж за богатого. Глупая – за красивого. А хитрая выходит за богатого, но изменяет ему с красивым.

– М-да, – вздохнул я, сравнивая себя с богатым мужчиной, Азата – с красивым, а Наташа предстала в ипостаси хитрой женщины.

– Кир, а почему ты не тронул Азата? – Володя будто прочитал мои мысли. – Это несправедливо.

– То есть?

– Нам ты никаких поблажек не делал, хотя мы с Сыргаком твои друзья. А он тебе кто? Почему ты его не наказал?

– Промолчу-ка.

– Может, признаешься, тут, братан, должна быть какая-то причина. Ты не из тех, кто отступает от своих принципов. И ты, как ни в чем не бывало, здороваешься с ним, словно он чуть ли не твой кровный брат. Что-то ведь тебя сдержало?

Я призадумался, вспоминая вчерашний закат и сумерки. «Сейчас, несомненно, небо уже покрылось звездами, – промелькнуло в уме, – Можно было бы еще раз полюбоваться. А я сижу в отвратительной клоаке рядом с грязными потаскухами и выслушиваю упреки этого пошляка».

Володя не отводил от меня взгляда. Он ждал.

– А ведь его можно сравнить со вчерашним закатом, – ни с того, ни с сего вырвалось у меня.

– Что ты имеешь в виду?

– Я посмотрел на Азата и подсознательно уподобил его закату, который наблюдал вчера из окна моей спальни... И закат, и Азат – в них обоих присутствует красота.

– Кто такой Азат? – вмешалась одна из девушек.

– Его лицо идеально, – абстрагировано пошел я дальше, игнорируя заданный вопрос. – Оно произведение искусства. С каким трепетом и осторожностью люди относятся к произведениям искусства. Они лелеют их и тщательно оберегают, будь то в музее или в частной коллекции. Я поначалу хотел врезать Азату, однако благословенная мысль о закате и сумерках остановила меня. Если бы я избил его, это был бы акт вандализма. Нет, я бы себя не простил.

– Я и предположить не мог, что ты такой романтик и философ – протянул Володя. – Кир, что-то не узнаю я тебя.

– Тем более, – добавил я, – когда он смотрел на меня, протягивая руку, я видел в его взгляде искренность и доброту. В нем не было ни капли страха и лицемерия. Он не раболепствовал. Он просто подошел и поздоровался. И это, мне кажется, естественно для него.

– Да, но он очень опасен для тебя. Вспомни, Наташа наградила его таким комплиментом, которым она, возможно, награждала лишь тебя одного. Прикинь, брат, твоя девушка называет какого-то парня симпатичным. Черт, я удивляюсь, как после этого он еще ходит живым.

– Но вы ведь вчера говорили, что мне не стоит беспокоиться, так как Наташа любит только меня?!

– Это не я, а ублюдок сказал, – поправил меня Володя, а потом его осенило что-то, и он добавил. – Вспомни, ведь Наташа не постеснялась при тебе назвать его симпатичным. Постой, какой там симпатичный! Она назвала его красивым! Брат, она даже не испугалась тебя! При тебе твоя девушка имела дерзость...

– А-а, вы подслушивали, нечестивцы.

– Мы стояли, ждали тебя и слышали все. Наташа говорила очень громко. А дверь аудитории была открыта.

– Но тогда ты, бесспорно, слышал и то, что она сказала, что ей плевать на его красоту и что она просто считает его хорошим человеком.

– Вот с этого все и начинается: сперва «хороший человек», потом «единственный такой человек», затем «единственный мой любимый человек», а под конец – «мой любимый муж, отец детей моих». Брат, никогда не доверяй женщинам!

Обе жрицы любви неприязненно посмотрели на Володю и переглянулись между собой.

– Слушай, ты мне друг или враг? – раздраженно выпалил я. – Такое впечатление, что тебе доставляет удовольствие причинять мне боль.

– Я, конечно, могу лицемерить и заливать, что Наташа стопроцентно предана тебе и все такое. Но факт остается фактом: Наташа равнодушна к Азату.

– Ты хочешь сказать, она меня не любит и все это время морочила мне мозги?

– Брат, я этого не говорю. Я говорю, что этот Азат представляет опасность. Наташа может разлюбить тебя. Она чувствует к новичку симпатию. Будь жестче с ними обоими.

– Вот именно – симпатия! Да, простая, человеческая симпатия – вот что она испытывает к нему, не более того!

– Симпатия превращается в любовь, – настаивал Володя.

– И что ты предлагаешь? – спросил я.

– Я просто хочу предупредить тебя. Приглядывай за Наташкой. Прояви к ней строгость.

– И все, что ли?

– Ну, еще, поговори с Азатом. Поговори по-мужски! Пускай знает, что в университете – твоим университетом, между прочим – он особо хвост не распускает. Ты видел, как он ходит?

- Да, – коротко ответил я.
- Такое впечатление, что он король студентов. Е-мое, Кир, в университете лишь один-единственный король – и это ты!
- Но он мне ничего плохого не сделал!
- Он уже сделал плохое: перевелся в наш вуз, в твой вуз, где небожитель – ты и только ты! Послушай, брат, тут что-то слишком подозрительно. Зачем он перевелся? Да еще строит из себя крутого. И походка у него какая-то наглая, высокомерная.
- Наоборот, мне он показался довольно-таки скромным. И лицо у него доброе очень.
- Лицо, лицо, лицо и бла бла бла. Родной, даже преступник способен изобразить мученика. Да у всех лицо доброе, когда они смотрят на тебя.
- Согласен. Но у других потому и доброе, что они боятся меня. А у Азата искренность в глазах. Он меня не боялся... Знаешь, я всегда чувствую человеческий страх. У Азата не было страха. Он совершенно не боялся и не лебезил.
- Возможно, это и так, а возможно, так тебе кажется, – медленно произнес Володя, зевая.
- Безусловно, это так, – настоял я на своем мнении. – Что ж, чокнемся?
- Мы вчетвером выпили по бокалу вина. Володя и одна из девушек встали и подошли к двери, где скрылся Сыргак с партнершей. Володя постучал и крикнул:
- Эй, ублюдок, ты кончил? Или, пока ты раздевался, железо уже остыло?
- Дверь открылась. Выснулась голова Сыргака.
- Мы еще не кончили, осел! Я собираюсь здесь ночевать.
- Ночевать? – язвительно переспросил Володя. – Ты, что, сбрендил? А мы где будем?
- В коридоре?
- А эта комната? – Сыргак имел в виду комнату, где находились мы.
- Идиот! Здесь же Кир и его девушка будут! Я тебе говорил, ублюдок, что надо занять три помещения!
- Денег же не хватило! – проворчал Сыргак. – Ладно, щас мы выйдем.
- Внезапно я встал и заявил:
- Я не буду. Можете остаться в этой комнате.
- Ты, что, шутишь, Кир?
- Я ничего не ответил и вышел в коридор. За мной последовала «моя» девушка.
- Извините, – промямлила она немного обиженно, – я, наверно, не в вашем вкусе?
- Да не в этом дело.
- Тогда в чем?
- Просто настроения нет – вот и все. Идите к ним.
- Нет, не хочу!
- Почему же?
- Мне противно! – энергично воскликнула она.
- Противно? – Изумлению моему не было предела. – Нет, подождите, вы только что сказали, вам противно? Я не ослышался?
- Нет, не ослышались – мне действительно противно.
- Хм, тогда что вы здесь делаете?
- Я... я... устроилась сюда лишь вчера.
- Вчера?
- Да. Кроме того, у меня еще не было клиента. Если бы вы согласились, то были бы моим самым первым клиентом.
- Вот как, – пробормотал я. – А скажите, как ваше имя?
- Гульджамал.
- Каким образом, Гульджамал, вы попали в «Остров везения»?

– У меня маленький ребенок, а его отец, мой бывший гражданский муж, оказался жалким сыночком своих лживых и подлых родителей. Он оставил меня с ребенком. Словом, долгая история. Нынче безработица. У меня не было иного выбора. Разврат значил деньги, они мне позарез нужны.

– Гульджамал, знаете, что я вам посоветую: сию же минуту увольняйтесь отсюда, иначе будет слишком поздно. Увольняйтесь! Я подыщу для вас работу.

Немного поговорив с ней и оставив номер телефона, я удалился.

Глава 5

Проснувшись в час дня, я еще лежал около сорока минут, не в силах оторвать голову от подушки. Вчерашняя выпивка с коноплей плюс предыдущая бессонная ночь совершенно доконали меня. Мне казалось, каждая клетка моего мозга расщепляется на мельчайшие частицы.

Я лежал и стонал – никогда еще не сталкивался с такой чудовищной болью. Конечно, я и раньше выпивал и недавно тоже, на Лазурном берегу, употреблял алкогольные напитки, и были у меня похмелья. Но то, что происходило в данное время, нельзя было назвать похмельем. Чистая пытка!

Не должен был я идти в этот треклятый притон дегенератов, ругал я себя, сжимая и массируя лоб, темя и затылок. Я должен был после уроков возвратиться домой и выспаться всласть. Ведь я пережил столько испытаний. Мне следовало жалеть себя.

Приподнявшись на локте, я нажал кнопку на домофоне и сообщил о своей кошмарной головной боли.

Через некоторое время в комнату вошла наша горничная. На подносе, что она держала в руках, стоял стакан с водой и какие-то неведомые мне лекарства.

– Кирилл Игоревич, бедненький мой, сейчас мы вылечим вашу голову, – участливо промолвила горничная и, поставив поднос на стол, начала копаться в лекарствах. Наконец она нашла то, что искала, и протянула мне таблетку со стаканом.

– Вы не напрягайтесь, не думайте ни о чем, расслабьте свои нервы, – посоветовала женщина. – Постарайтесь полежать некоторое время с закрытыми глазами.

Я слегка кивнул и сделал, что она велела.

Не знаю, сколько я пролежал, но когда пришел в себя, боль немножко утихла. Горничной в комнате не было.

Все еще чувствуя тяжесть в мозгу, я встал, пошатываясь вышел из спальни и побрел в душевую кабину.

Теплая вода улучшила моё состояние, кажется.

Стоя перед зеркалом, я, как всегда, начал любоваться своим телом. Да, оно было, как у Геракла. Бычья шея, мощные бицепсы, трицепсы, плечи, твёрдые грудные мышцы, симметричные шесть кубиков на животе.

– Ничего не скажешь, Кирилл, – обращался я к своему отражению, – по части телосложения с тобой не сравнится ни один мужчина в городе. Азат слащавый, но до твоего мускулистого тела ему далеко... Да и лицом ты не урод. Накачанный самец с рыжими волосами. Черт возьми, Кирилл, твое самомнение не должно падать ни в коем случае. Ты бы вполне мог сыграть в кино.

В душу влилась радость. Я улыбнулся самому себе. То недомогание и головная боль, что терзали меня пару часов назад, просто растворились в солнечном свете, проникающем сквозь окно.

Увы, радость длилась недолго, так как я вспомнил, что сегодня должен идти в зал бокса. «Упертый придурок! – пронеслось в мыслях. – Что он так неотступно преследует меня? Что ему от меня надо? У меня уже нет желания заниматься боксом».

Одновременно позавтракав и пообедав, я решил, что не пойду на уроки, которые и так уже скоро закончатся.

Я устроился на диване в гостиной и включил огромный телевизор, заменявший нашей семье кинотеатр. До начала тренировок было еще далеко, спортзал открывался вечером в восемь часов.

Шел интересный фильм. Вероятно, он только что начался, так как на экране мелькали имена людей, причастных к его созданию. Включи я телевизор на пару минут раньше, узнал бы название кинокартины, но, к сожалению, пропустил этот момент.

Фильм сразу же захватил мое внимание. Коротко расскажу его сюжет.

Американская подводная лодка случайно сталкивается с каким-то объектом в открытом океане. Это приводит к тому, что субмарина разбивается и тонет.

На место крушения направляются спецназовцы (американские, конечно). Они должны провести спасательные операции и выяснить причину крушения. Своим лагерем они выбирают буровую нефтяную платформу, располагающуюся недалеко от места, где разбилась подлодка. Таким образом, военные и персонал платформы вступают в сотрудничество в расследовании.

В ходе этой операции обнаруживается, что экипаж субмарины не выжил. Также им встречается одно загадочное существо, природу которого невозможно было объяснить.

Удивленные и перепуганные люди приходят к выводу, что внизу есть некто и нечто, обладающее огромной скоростью и маневренностью.

Впоследствии выясняется, во впадине обитают внеземные существа, и у них есть супер-субмарина. Они дают знать, что не причинят человечеству никакого вреда. Однако военные так не считают. Один из них, лейтенант, одержим паранойей, якобы инопланетяне эти представляют опасность. А ведь единственным «злодеянием» их было только непреднамеренное столкновение с подлодкой.

Лейтенант желает уничтожить их с помощью боеголовки, привязав ее к одному из подводных аппаратов. Он садится в него и погружается во впадину, таща туда смертоносную боеголовку с установленным таймером.

Положительные герои всеми силами пытаются помешать ему. Они ныряют за ним. Но остановить жестокого лейтенанта не так-то просто: мужик упорен и тверд в своем решении. В конце концов одному протагонисту все-таки удается предотвратить взрыв. Лейтенант мертв. Инопланетяне спасены. В благодарность они отвечают спасителям взаимностью и вытаскивают их на поверхность на своей субмарине.

Фильм закончился, и снова я увидел имена режиссера, оператора, композитора, актеров и многих-многих членов съемочного процесса. На этот раз, как почти всегда бывает в конце любого кинофильма, имена уходили вверх и исчезали.

Жаль, так и не узнал названия, огорчился я. Почему они не пишут его в конце?

Я откинулся на спинку дивана и закрыл глаза. Из моего воображения еще не выветрились эпизоды картины. Некоторые из них поражали своей красотой, иные пугали. В особенности я был впечатлен сценой, когда на конце водяной струи возникает прозрачное человеческое лицо. Конечно, то была лишь визуальная иллюзия – ведь не могли в реальности твориться такие вещи, – но художественная зрелищность этих нескольких секунд, без всякого сомнения, оставляли глубокий след в душе, одновременно восхищая и нагоняя страх.

– М-да, ничего не скажешь, – вздохнул я, а через пару секунд вспомнил другой, не менее поражающий эпизод. И я мысленно задал себе вопрос: неужели возможно дыхание в воде?

Дело в том, что в киноленте демонстрировалось, как лабораторная крыса, помещенная в сосуд с удивительной бесцветной жидкостью, чувствовала себя в ней, словно рыба в воде, притом в прямом смысле. Грызун дышал!

Это был эксперимент, проводимый в лаборатории. Потом его испытали и на человеке. И положительный герой, погружающийся за сумасшедшим лейтенантом, также дышит этой самой жидкостью, которой заполнен его скафандр.

– Ни крыса, ни человек не способны на такое, – бубнил я. – Но есть же рыбы и миллионы разных существ, обитающих в воде, они ж ведь дышат там. Что, если в мире живут такие люди?.. Может, стоит попробовать?

Позади нашего дома, рядом с садом, находился большой плавательный бассейн. К этому времени суток вода в нем как раз была теплая, ибо весь день лучи светила нагревали ее.

Сбросив с себя одежду, я прыгнул в бассейн и, набрав в легкие побольше воздуха, нырнул глубоко.

Виски сдавило, в ушах раздался гул – столь знакомое неприятное ощущение. По правде говоря, мне не хотелось рисковать. Но я должен был проверить. Кто знает, может, получится. Может, произойдет чудо.

Я выпустил из себя весь воздух, вдохнул и почувствовал, как вода сжала глотку и легкие, глаза готовы были вылететь из орбит, нос резанула сильная горечь, в душе началась паника. Отчаянно работая конечностями, я вынырнул на поверхность и стал жадно вбирать в себя воздух, естественно, прежде порядком откашлявшись.

Выбравшись из бассейна, я сел, обхватив колени руками и дрожа всем телом.

Нет, у меня ничего не получилось, отчаивался я. Мне не суждено дышать в воде... Не рожден я рыбой... Этот фильм – полное вранье, типичный фокус... Человек не дышит в воде, крыса тоже... Фильм лгал... И как мог я поверить... Ха, размечтался... Вода никогда не заменит воздух млекопитающему. И зачем надо было так рисковать жизнью? Что, если бы я захлебнулся?... А ведь я тонул в детстве.

Я вспомнил, как много лет назад, еще не умея плавать, чуть не поплатился жизнью в бассейне физкультурно-оздоровительного комплекса, который мы с отцом посещали еженедельно. Родитель категорически запрещал мне купаться одному. Обычно он поддерживал мой живот снизу, а я дрыгал ногами и руками, а в сердце гордость, что я подчиняю стихию. Папа повторял много раз: детям не следует плавать в бассейне без взрослых, что можно делать это, когда я подрасту. Но однажды мне, малолетнему идиоту, вздумалось почувствовать себя Марком Спитцом, когда батя отошел на минутку, чтобы купить пива.

Озираясь по сторонам, я, тогда еще шестилетний дошколенок, подошел к бассейну и, раздевшись, неуверенно плюхнулся в него. Вода крепко обняла меня и потащила вниз. Я был легкий, как перышко, но камнем шел на дно. Ожесточенные барахтанья не помогали. Я уже начал терять сознание – смерть приближалась. И вдруг краем уха я слабо различил звук от падения в воду, и чьи-то мощные руки потащили меня наверх.

Когда я открыл глаза, увидел хмурое, бледное лицо моего отца. Его глубокий и чуть надтреснутый вздох облегчения окончательно вернул меня к жизни. Бедняга, как он содрогался.

– Сядь вон на ту скамейку. А я покурю, – тихо сказал он, роясь в карманах мокрых брюк. – Ах, сигареты не зажечь уже.

В тот же день он впервые выпорол меня ремнем.

После этого случая, научившего меня ценить жизнь, я видеть не хотел воду. Во мне зародилась гидрофобия. И папа, боясь, что страх всю жизнь останется со мной, начал возить меня по морским курортам, ибо так посоветовал ему детский психолог. По мнению этого доктора, колеблющаяся морская вода не так пугает, как, например, неподвижная вода бассейна.

И он оказался прав: море было живым, морское дно, покрытое камушками и растительностью, выглядело во сто крат милее облицованного керамическими плитками «мертвого» дна бассейна, от которого веяло голым унынием.

Черное море постепенно превратило меня в превосходного пловца. Со временем и бассейны не стали наводить на меня ужас. Я уверенно купался в них. От гидрофобии и следа не осталось.

Но сейчас я сидел и будто перенесся в прошлое, стал снова шестилетним Кирюшей, не умеющим плавать, Кирюшей, которого бросает в дрожь от слова «вода». И опять квадратные плитки на дне приняли зловещий вид.

– Черт подери! – исторгал я проклятия. – Ну и дурень же я. Представить не мог, что так наивен. Какого хрена мне надо было глотать воду. Ведь этот фильм – не что иное, как

обман. Умеет Голливуд придумывать фантастику. Человек не дышит ни в воде, ни в какой-либо другой жидкости. Не знаю, как там крыса, но человек не может дышать чем-то другим, кроме воздуха. Да и крыса – тоже не рыба.

Кто-то прервал мой монолог, лизнув меня в ухо. Берни. Пес смотрел на меня и добродушно вилял хвостом.

– Слушай, а ты умеешь дышать в воде? – спросил я его.

– Гав-гав, гав-гав, – весело откликнулся Берни.

– Ну, тогда попробуй! – Я толкнул его в бассейн.

Животное проплыло через весь резервуар, усердно работая лапами, вылезло на противоположном конце, судорожно затряслось и побежало прочь, бросив на меня оскорбленный взгляд.

И ты тоже не рискнул нырнуть, усмехнулся я, конечно, ты же не дурак, ты знаешь, что вода – не воздух. Но, поверь, кабы ты видел тот фильм, ты попробовал бы.

Я уже должен был собираться в клуб. Так не хотелось идти. Но я обещал своему тренеру, обещания надо выполнять.

Укладывая спортивные принадлежности в рюкзак, я награждал Минжашара Жакшылыковича отборной бранью. Я находился в своей спальне, поэтому мог позволить себе такое удовольствие. При нем я бы не осмелился вымолвить ни одного нецензурного слова, так как очень уважал его и, буду честен, боялся. Он был сильный и жесткий человек.

Глава 6

– Как же долго меня не было здесь, – молвил я, окидывая взглядом огромную стеклянную вывеску, на которой ярко-оранжевыми буквами блестело: «Огненные перчатки». Днем глазам прохожего представляли обычные буквы. Однако вечером, когда включали неоновые лампы (вывеска была с подсветкой), буквы оживали, охваченные двигающимися языками пламени. Выглядело это потрясающе.

Спонсором затейливой вывески выступил, естественно, ваш покорный слуга. Прежде над входом в клуб висел большой, но скромный прямоугольник из фанеры, на котором рядом с названием были нарисованы пылающие перчатки с застывшим, неживым пламенем. Не знаю, был ли художник действительно обделен талантом, либо был он просто пьян, но его работа совершенно не вызывала восхищения, чего не скажешь о нынешней вывеске – наблюдай хоть целую вечность!

– Бешеный вернулся! – так встретили меня мои товарищи по клубу и распростерли объятия.

Во мне никакая радость не вспыхнула от встречи с ними, но все же я горячо обнял каждого. Как никак, это были достойные ребята, смелые, сильные, выносливые, напрочь лишённые подострастия и угодливости. Они не боялись меня. Они меня уважали. Они ценили во мне Кирилла-боксера, а не Кирилла-наследника миллионера. Парни эти восхищались мной не потому, что я был богат и силен. Товарищество, единый интерес – вот причина их уважения ко мне. Очень часто они беззлобно подтрунивали надо мной, когда я бывал не в форме, и я, в свою очередь, не отставал от них. Мы время от времени язвительно отзывались друг о друге, а затем весело хохотали. И я, невзирая на свойственный мне агрессивный нрав, прощал им их фамильярность.

– Че-то ты раскис, брат, – улыбнулся Нурсултан и дал мне в солнечное сплетение.

Не успев напрячь мышцы пресса, я почувствовал жгучую боль в животе и скорчил гримасу.

– Во дает! – покачал головой Нурсултан. – Брат, где реакция? Ты же должен быть готовым ко всем неожиданным ударам. Давай переодевайся быстрее. Надо вернуть тебя в форму.

– А тренер у себя? – поинтересовался я.

– Да.

– Наконец-то, – сухо проронил Минжашар Жакшылыкович, как только я переступил порог его кабинета. – Я опасался, что ты улетишь куда-то на Антарктиду... Ну, как здоровье?

– Утром голова болела, – ответил я, пожимая ему руку, – но сейчас полегчало в разы.

– Ведешь дурацкий образ жизни – еще бы у тебя не болела голова! Послушай, сынок, вчера я заметил тебя около «Острова везения». Я тебе вот что посоветую: не ходи туда. Даже мимо не проходи, слышишь? Это заведение – настоящее болото разврата и преступности, там ведь творятся самые нелегальные вещи... Конечно, «Остров везения» считается престижным местом, но престиж его пресловутый основан на распутстве, мошенничестве, торговле наркотиками и травкой. Владельцы этого гадкого заведения – что ни на есть самые настоящие преступники, подлые шакалы, иначе и не скажешь. Разница лишь в том, что шакалы голодные, тощие, а эти подонки, наоборот, обрюзгшие и сытые. Они построили рай за счет ада. Меня нервирует попустительство со стороны властей и правоохранительных органов. Хотя что тут удивляться! Вот только интересно, какая сволочь их крышует. Короче, я тебе сказал все, что намеревался сказать давно. Иди и готовься.

Я нехотя поплелся в раздевалку, а через несколько минут начались тренировки.

После пробежки, обязательных упражнений для растяжки мышц тренер громовым голосом приказал:

– Надели перчатки! Выстроились по парам! Кирилл, твой противник – Нурсултан!

Тот с воодушевлением встал передо мной, не забыв угрожающе мигнуть. Я утаил улыбку и кивнул в знак того, что принимаю вызов.

Он почти всегда был моим спарринг-партнером, ибо в рейтинге нашего клуба занимал второе место. Он имел замечательную манеру ведения боя: сохранять трезвость ума и утихомиривать ненужный пыл. Ему дали прозвище «Технарь». И вправду, это был истинный технарь. Я часто вел себя, словно уличный боец – размашистые удары, хвастливо опущенные руки. Моей главной целью было уничтожить противника, в то время как он не забывал и о защите, постоянно держа руки высоко.

– Внимание! Приготовились! Начали! – прогремел Минжашар Жакшылыкович.

Я, как всегда, ринулся вперед, осыпая Нурсултана градом хуков и апперкотов. Но его не так-то просто зацепить. Ловко и грациозно увертываясь, Нурсултан дразнил меня, высывая капю из рта. Один раз мне повезло – удар с плеча попал в его голову, и он слегка зашатался.

– Ух, брат, а я ошибался, говоря, что ты раскис! – сказал Нурсултан. – Беру свои слова обратно.

– Прекратить разговоры! – Тренер гневно глянул на нас.

Мы продолжали боксировать. В зале находилось около двадцати подопечных Минжашара Жакшылыковича. И каждый видел лишь маячащее лицо своего спарринг-партнера.

Вдохновленный только что промелькнувшей удачей и подгоняемый азартом, я с остервенением атаковал Нурсултана. Но, как уже упомянуто выше, он являлся опытным технарем. К тому же, в «Огненных перчатках» не зря ходили легенды о его феноменальном дыхании. Пот мог катиться с него ручейками, но вдохи его и выдохи оставались ровными. К сожалению, это не было присуще мне. Потому и старался я всегда быстрее закончить бой, не давая соперникам затягивать его, отсюда и было мое прозвище.

У меня потихоньку начало сбиваться дыхание, устал я не на шутку. Сверхмерная затрата энергии не принесла никаких плодов – Нурсултан все еще был на ногах и, более того, представлял потенциальную опасность для меня.

Тренер полностью сосредоточил внимание на нас двоих. Наши товарищи тоже остановились и с любопытством наблюдали за битвой титанов. Им было интересно – кто кого?

Между мной и Нурсултаном разыгралась нешуточная борьба. Коварный Нурсултан заметил, что я выдохся почти, и перешел в активное нападение.

На меня обрушились резкие удары. Я кое-как, из последних сил, отпарировал их, но спарринг-партнер мой, в данное время выступающий в образе ярого соперника, не давал мне шансов. Он беспощадно мутузил меня, и лишь моя гордость и выносливость служили мне опорой. Но опора стала крениться. Нурсултан во всю мощь награждал меня хуками в голову и джебами в живот. Мне не хватало воздуха, что-то невидимое стесняло движения. Я стал неповоротлив, а удары обрушивались с большей и большей силой. Нурсултан так и жаждал нокаутировать любимчика тренера. В конце концов я совсем обессилел и опустил на колени, тяжело дыша. Технический нокаут.

– Черт побери, не может быть! – воскликнули ребята. – Технарь победил Бешеного!

– Молчать! – заткнул их Минжашар Жакшылыкович. – Я хочу, чтобы в зале была тишина!

Все подчинились. Тренер обратился ко мне:

– Мне страшно, Кирилл, мне очень страшно за тебя. Куда ты катишься? Ты изменился изрядно, стал сам не свой. Ты выбился из строя. Я возлагаю на тебя такие надежды, а ты меня подводишь... Ладно, бой в Шанхае можно понять: все же китаец был редчайшим мастером. Но сейчас ты по-настоящему сдался. Проигрыш налицо. У нас не было никого, кто бы мог победить тебя. А сейчас? Все твои органы пропитаны алкоголем, куревом и чем там ещё? Остался только агрессивный характер и стремление как можно скорее завершить бой. Прежде, когда ты

усиленно тренировался, это шло тебе на пользу. Однако теперь, когда ты отвык уже от тренировок, агрессия и торопливость вредят тебе. Поспешешь – людей насмешишь. Увы, ты не насмешил, ты огорчил... невероятно... Кирилл, среди моих учеников ты обладал самым сильным ударом. А теперь они у тебя какие-то беззубые. Они потеряли былую мощь. Поверь, ты сейчас всего лишь тень того Кирилла-нокаутера, которого я считал своим любимцем.

– Почему же? – великодушно возразил Нурсултан. – В руках сохранилась сила. Вы видели, как он меня зацепил? Я еле устоял на ногах.

– В том-то и дело, что устоял. Случись это раньше, ты бы валялся без сознания. Ты же падал от его ударов не раз.

– Да, бывало, – согласился Нурсултан. – Но все же сила в нем есть.

– Я не удовлетворен! – категоричным тоном отрезал Минжашар Жакшылыкович. – Надо вещи называть своими именами. Я не стану стоять здесь и врать, что Кирилл – самый сильный боксер. Я говорю то, что вижу. В боксе не учитываются былые заслуги. В этом виде спорта важно то, что ты представляешь из себя в данное время, в настоящем... Кирилл, здесь тебя окружают свои люди, своя компания. Это твои товарищи. И при них я не стал скрывать правду. Так что, не обессудь... Не дай бог, о твоём запустении узнают в федерации бокса! Тогда тебя не пустят на чемпионат, близко не подпустят к рингу!.. А я принципиально хочу, чтобы именно ты – и никто другой – поехал в Алматы. Я все еще верю в тебя. Ты еще содержишь в себе громадный потенциал... Прискорбная картина, свидетелями которой мы стали, – лишь результат твоих прогулов, безалаберного отношения к дисциплине и... – он хотел сказать «употребления алкоголя и травки», но запнулся. – Но я верю, ты снова станешь лидером... Я очень горжусь всеми вами, мальчики! Я люблю всех вас! И мне больно смотреть, как я теряю одного из моих сыновей, да, именно, сыновей! Вы все – мои сыновья, мои дети!

– Мы тоже любим вас, – наперебой загалдели ребята. – Вы для нас как отец. Вы самый лучший наставник.

– Ну, хватит, хватит, – Минжашар Жакшылыкович добродушно отмахнулся. – Спарринг окончен. Даю перерыв. Через двадцать минут будете работать с лапами... А ты, Кирилл, – обратился ко мне он, – можешь идти домой. Я тебя отпускаю пораньше, тебе нужно как следует отдохнуть. Ты долгое время не занимался боксом, поэтому не хочу нагружать тебя. Хватит и этого, адаптация должна быть постепенной, поэтапной. Иди, сынок. Придешь в понедельник...

Возвращаясь домой, я думал о сегодняшнем спарринге.

Блин, в кого я превратился? Нурсултан, конечно, парень не промах. Но ведь я же никогда не проигрывал ему, ни ему, ни кому-либо другому в клубе. Я всегда побеждал. Даже когда бывал в нокдауне, я собирался и добивал противников. И Ка Си – исключение, одно-единственное... Но сегодня тоже был нокаут – правда, технический, но все же нокаут. Офигеть, я нокаутирован дважды... Никак не думал, что проиграю Нурсултану... Конечно, это всего лишь спарринг, хотя на душе не легче. Ощущение то же, что и в Шанхае... Ничего – я расквитаюсь с Нурси... С другой стороны, хотелось бы поблагодарить его: он усилил мое упрямство. Я теперь буду прилежно тренироваться, клянусь. Сегодня для меня был хороший урок, и преподал мне его не кто иной, а Нурсултан, который пришел в «Огненные перчатки» спустя пять лет после меня. Впрочем, так и должно было быть – он очень дисциплинированный.

Да, Нурсултан относился к боксу с благоговением и никогда не пропускал тренировки. Он часто твердил, что бокс – его жизнь. «Я с детства влюблен в него, – говорил он. – Мне кажется, он жил в моей крови с тех самых пор, как мама произвела меня на свет. Об одном лишь жалею – я поздно начал заниматься этим прекрасным видом спорта».

А я, в противоположность ему, не любил бокс. Заниматься чем-то – одно, любить – совсем другое. Я никогда не стал бы боксером, если бы не один случай.

В детстве меня нельзя было назвать храбрым ребенком. Одноклассники все время наезжали на меня. Я ходил заплаканный, но – с гордостью заявляю – не был ябедой. Задиристые мальчишки, убедившись в своей безнаказанности, еще больше усложняли мою жизнь.

Я терпеливо сносил их издевательства. Уверен, все это так и продолжалось бы, кабы однажды я случайно не подслушал разговор девочек. На перемене мальчишки пошли к турникам, а я, как обычно, вышел в коридор (до этого я оставался в классе вместе с девочками, но обидное «среди девчонок один поросенок» было невыносимо). И вот, стоя в коридоре, я услышал, как маленькие сплетницы завели речь про меня. Они осуждали действия хулиганов и сочувствовали мне. Вдруг раздается столь знакомый голос девочки, по которой я тайно вздыхал. Она выдает следующее: «Кирилл изнеженный слабак, потому что из обеспеченной семьи».

Словно громом пораженный, я не мог двинуться с места. Мое сердце было разбито. Я не подозревал, что эта красивая девочка окажется такой безжалостной.

Мне глубоко в душу запали ее слова. Они причиняли мне ужасную боль. Вместе с тем это послужило толчком для меня. Переборов трусость и неуверенность, я пришел в клуб бокса. Я хотел доказать, что не слабак, не папенькин сынок. В третьем классе учился я тогда.

Без сомнения, путь мой был нелегок. С каждой тренировки приходил я домой с синяками, разбитым носом, опухшими губами и ушами. Я стойко держался, желая опровергнуть «гипотезу» жестокой красавицы.

Обидчики продолжали глумиться надо мной, а я целенаправленно постигал азы бокса. И очень скоро я отомстил мучителям. Я побил трех самых ярых, а остальные, оцепенев от недоумения и страха, попросили у меня прощения. Я не простил, и они также подверглись наказанию.

Превратился я в дьяволенка. Мне мало было того, что меня признали атаманом класса. Я желал верховодить всеми параллельными классами. Через некоторое время, путем тиранического избиения, я заставил всех моих ровесников трепетать.

Однако я решил не останавливаться. Во мне произошла странная метаморфоза – прежний мальчик Кирилл, всегда добрый, никому зла не желавший, бесследно исчез. Уподобившись Чингисхану, я продолжил свою «захватническую кампанию». Вызывая на бой мальчиков, кто был старше меня, я с легкостью одолевал их, и они склоняли предо мной головы.

Дни сменяли дни, и я улучшал боксерские навыки. Мои мускулы наполнялись массой и силой, удары становились весомей и разрушительней. К восьмому классу вся школа сдалась мне. Даже самые отъявленные задиры проходили мимо меня, поджав хвост.

Решил я свести счеты и с девчонкой, в которую когда-то был влюблен. Одаривая ее подарками и ласками, я сделал так, чтобы она жила лишь мной. Окончательно поняв, что ее сердце принадлежит мне, я ни с того, ни с сего порвал с ней. Мне доставляло величайшее удовольствие лицезреть душевные муки этой ничего не подозревающей представительницы прекрасного пола, ошеломленной моим «столь быстрым предательством». А я, как ни в чем не бывало, переключился на других красоток.

Опытный воин, не делающий поблажек никому, самовлюбленный ловелас и, наконец, отпетый мерзавец – вот кем я стал...

Да, я не любил бокс. Я осознал это давно. Он послужил для меня орудием для возмездия, и только. Я не видел бокс самоцелью, он выполнил свою миссию и стал уже ненужным. Вот причина того, что я начал безалаберно относиться к нему. Единственно нежелание обидеть тренера заставляло меня без энтузиазма посещать «Огненные перчатки» и участвовать в соревнованиях.

Но сегодняшнее поражение от Нурсултана будет подстегивать меня, уверен, думал я. Я обязан отыграться

Глава 7

Субботу и воскресенье я провел дома, лежа в гостиной на диване перед самым большим в нашем доме телевизором.

В понедельник я снова погрузился в студенческие будни. В этот день Наташа не пришла на уроки.

– Да все в порядке, – не преминул заметить Володя. – С самками постоянно так. Любят строить из себя оскорбленную добродетель. К гадалке не ходи, ждет, когда ты позвонишь и попросишь прощения.

– Ни за что! – вскричал я. – Это она должна просить у меня прощения! Таких слов наговорила про этого Азата, да еще дуется! Черта с два она дождется от меня прощения!

– Молодец, брат! Просто диву даюсь, насколько ты принципиален.

– Кирилл – кто угодно, только не подкаблучник, – вставил Сыргак.

– Сегодня после уроков пойдем куда-то? – предложил Володя. – Не обязательно в «Остров везения». Можем и в другое место, менее респектабельное, но не менее увеселительное.

– Не хочу, – отказался я. – В прошлый раз голова чуть не треснула от боли. Да и тренировки у меня сегодня.

– Ты же вроде завязал с боксом.

– Завязал? Что ты, это был просто временный отдых.

– Кстати, в тот раз, в «Острове везения», девушка твоя выбежала за тобой и не удосужилась вернуться. Очевидно, вы расположились в другом номере?

– Нет.

– Понятно – соитие произошло у тебя дома.

– Да нет.

– Тогда где же?

– Нигде. Мы просто попрощались. Я не захотел.

– Охренеть! – У Володи лицо скривилось от досады. – А почему эта сука не пришла к нам? Она же должна была отработать заплаченные за нее деньги!

– Послушай, – прошипел я, – держи язык за зубами.

– В смысле? – недоумевал Володя.

– Я тебе сказал – держи язык за зубами! – не выдержал я.

– Хорошо, хорошо. – Володя чуть не заплакал от обиды и удивления.

– Никогда не смей заговаривать об этой девушке, – предупредил я его, а затем обратился к Сыргаку. – Тебя тоже касается.

Оба кивнули.

– Гульджамал очень хорошая девушка, ничем не заслужила ваших помойных эпитетов. Она даже не успела обслужить ни одного клиента. Трудная жизнь привела ее в это омерзительное место. Слава богу, я заставил Гульджамал покинуть его, обещав, что найду для нее нормальную работу.

Мои друзья многозначительно переглянулись. Я понял, они не сомневались: Кирилл Арсеньев найдет для девушки нормальную работу, а взамен будет пользоваться ее телом, сколько душе заблагорассудится.

– И никаких эротических картин не рисовать! – приказал я. – Я не притронусь к ней.

Володя и Сыргак, в глубине души не веря в то, что я решил совершенно бескорыстно облагодетельствовать молодую незнакомку, которая, между прочим, весьма красива, вслух похвалили меня.

– О, это благородно очень.

– Действительно, ты сделаешь доброе дело, устроив ее на работу...

Вечером я поехал в «Огненные перчатки». И снова моим спарринг-партнером выступил Нурсултан. Признаюсь, преимущество, так же, как и в пятницу, было на его стороне, однако на этот раз Технарю не удалось окончательно вывести меня из строя.

Я принял душ, вернувшись домой. В спортклубе тоже имелся душ, но он был общий. Я же предпочитал интимное пространство, где нагие парни не станут с любопытством пялиться на твои прелести.

Отужинав, я поднялся к себе в спальню.

Жалко, что не спросил номер Гульджамал или адрес проживания, досадовал я. Не пробить ли ее данные через ОВ?

Мои размышления прервал телефонный звонок.

– Алло!

– Здравствуйте, – послышался робкий женский голос, – это дом Кирилла Арсеньева?

– Да. А кто говорит?

– Кирилл, это вы? Вы помните меня? Мы встречались в «Острове везения». Гульджамал меня зовут, помните?

– Ах, Гульджамал, здравствуйте! —несказанно обрадовался я. – Замечательное событие: вы позвонили. Я сейчас думал о вас.

– Правда?

– Конечно! Я укорял себя за то, что не взял у вас номер. Я боялся, что вы сами не решитесь позвонить.

– Это так и есть – мне действительно было неудобно.

– А вы уволились оттуда?

– Да, в тот же день.

– Вы такая умница! Спасибо вам.

– Мне-то за что спасибо?

– За то, что послушались моего совета.

– Это вам спасибо, Кирилл!

– Вы правильно сделали, что улетучились оттуда. Я вам найду работу. Обещаю, – уверил я ее. – Гульджамал, это же ваш постоянный номер? – и я перечислил цифры.

– Да, я звоню вам из дома... Пойдите, а как вы узнали?

– У меня телефон с определителем.

– А-а, – удивленно протянула девушка.

– Гульджамал, завтра ждите моего звонка.

– Хорошо, спасибо.

– Спокойной ночи.

– И вам, – нежно сказала Гульджамал, и стали доноситься частые гудки.

Интересно, почему она позвонила так поздно? Черт, вспомнил – я же сам ей говорил, что обычно бываю свободен к одиннадцати часам.

Я спустился на третий этаж и подошел к двери спальни отца. Слышались звуки телевизора – отец не спал. Я постучался. Телевизор смолк.

– Папа, это я, Кирилл.

Щелкнул ключ в замочной скважине, и отец открыл дверь. Он был в ночном халате.

– У меня к тебе разговор есть, пап.

– Заходи... Долго ты не переступал порог этой комнаты. Такое впечатление, что дети мои отвернулись от меня. Еще бы – мама ваша все время жужжит, какой я подлец, мерзавец, сволочь...

– Хватит, не в этом дело, – перебил я его и сел в кресло. – Ты что-то смотришь?

– Интересный очень фильм. «Терминатор», если память мне не изменяет.

– Это «Терминатор 2», – поправил я, уставившись на экран. – Он уже почти заканчивается. Досмотрим.

Отец сделал звук погромче, и мы начали смотреть.

Показывали момент, где киборг, которого сыграл Арнольд Шварценеггер, прощается с мальчиком Джоном Коннором и его мамой, Сарой Коннор. Потом он хватается за стальную цепь, и его опускают в расплавленный металл. Киборг начинает медленно тонуть в нем – ноги, пояс, грудь, плечи, шея, голова, вскинута вверх рука, кулак с растопыренным большим пальцем. На протяжении этих кадров звучит торжественная мелодия, ставшая известной на весь мир.

Мы с отцом сидели, не в силах вымолвить ни слова. «Терминатор 2» всегда производил на меня сильное впечатление.

– Вроде бы боевик, а столько сентиментальности, – задумчиво произнес отец.

– Папа, я пришел к тебе по делу, – приступил я к разговору.

– Как?

– Я хотел узнать...

– Что?

– Есть ли вакантное место в магазинах?

– А что такое?

– Просто я дал обещание одной девушке, что подыщу ей работу.

Отец расхохотался и сказал:

– Кирюша, я же несколько раз устраивал на работу твоих знакомых женского пола. Ай, паря, не надо так делать.

– О чем ты?

– Я слышал и даже видел, ты приудариваешь за ними. Этаким корыстный благодетель. Не надо так обращаться с женщинами. Мужчины должны ценить женщин. Они же не вещи, в конце концов.

Разве ты ценишь маму, хотел я выпалить, но сдержался и ответил только:

– У меня ничего не было с этой девушкой и не будет, поверь мне. Я обещал ей найти работу.

– Неужели? – недоверчиво улыбнулся он.

– Клянусь родом Арсеньевых!

– Эй, ты так высоко не бери! – строго осадил меня отец. – Хорошо, я выполню твою просьбу. Диляра на днях упоминала, что в магазине на улице Асанбаева освободилось место уборщицы (Диляра, насколько я помню, являлась администратором сети магазинов моего отца).

– Уборщица?!

– А ты знаешь, какой оклад у наших уборщиц?

– Да. Но не очень респектабельная работа, согласишься.

– Ты желаешь, чтобы я выкинул Диляру и сделал твою знакомую администратором? Диля незаменима. Управлять всеми магазинами – задача трудновыполнимая. А она справляется. Скажи, как я могу ее уволить?

– Нет, но есть же места между администратором и уборщицей. Продавщица, например.

– Так эти места забиты твоими же девчонками. Кирилл, я плачу своим работникам солидную сумму, поэтому у меня никогда не бывает свободно. Место уборщицы потому и освободилось, что она с семьей уехала в свой аил... Словом, кроме этого я предложить тебе не могу ничего. Если хочешь, уволю одну из продавщиц.

– Я спрошу у нее, согласна ли она мыть полы и чистить витрины, – кисло промолвил я и, пожелав папе спокойной ночи, вышел из комнаты.

Утром после завтрака я позвонил Гульджамал и, скребя сердцем, передал слова отца. К моему удивлению, Гульджамал с радостью согласилась и, таким образом, сняла с меня тяжелый груз. Я назвал ей адрес магазина и отправился в университет в приподнятом настроении.

Выходя из машины, я увидел Азата. Он направлялся ко входу своей медленной, чуть раскисающейся походкой. Он ни на кого не смотрел, взор его был скромно потуплен. Студентки и преподавательницы благосклонно и одобрительно взирали на него.

Я почувствовал приступ ревности. Внутри как будто что-то выворачивалось. Я последовал за ним и тоже попал в центр всеобщего внимания. Но одно обстоятельство так и жгло мои органы: девушки и женщины сперва задерживали глаза на нем, а потом уже переходили на меня. Самое «вкусное» получал Азат, а мне доставались лишь объедки. Я не мог смириться с таким раскладом событий. Все было внове для меня.

Да, ты был прав, Володя, ты был прав: Азат представляет для меня угрозу. Он дьявольски красив. На меня тоже смотрят, но только потому, что я крут. Нравлюсь женщинам не я, а то, что окружает меня, – машины, деньги, авторитет. Только теперь я понимаю. Зачем надо было ему переводиться в вуз, где безмятежно царствовал я? Трон мой тесный, и двое там не поместятся.

Я ускорил шаг и прямо у входа догнал Азата, задел плечом и, сделав вид, что даже не заметил его, зашагал дальше.

Наташи опять не было. Но я прекрасно понимал – типичная игра, и она до конца будет следовать ей, так как Наташе, как и всякой дочери Евы, свойственна женская гордость. Она будет ждать, когда я паду ниц перед ней и, заливаясь слезами, попрошу у нее прощения. Ничего такого не случится. Никогда не пойду я на такое унижение. Я мужик, и воля моя непреклонна! Я не должен дать слабину!

Глава 8

Наташа появилась на следующей неделе.

Я сидел в аудитории и разговаривал со своими друзьями, когда Сыргак воскликнул вполголоса:

– Смотри, брат, Наташка здесь!

Глаза усталые и опухшие, лицо бледное и измученное – я не узнавал свою девушку. Поверьте, мне стало так жалко ее. Я уже встал и хотел подойти, но тут Володя схватил меня за локоть.

– Кир, не стоит. Прояви волю. Не приучай ее. Не окажись под каблуком.

Не зная, что делать, я все же последовал его совету и присел обратно. Я расположился так, чтобы в сторону Наташи была повернута моя спина. А сам все спрашивал Сыргака, что она делает.

– Идет к своему месту, – докладывал тот. – Смотрит на тебя!

– Блин, я не выдержу. Это так жестоко.

– Держись, – поддерживал меня Володя. – Ничего с ней не случится. Не пускай жалость в сердце.

– Села... Подходят к ней девчонки... Целуются в щечку... – продолжал Сыргак. – Расспрашивают ее... Все девчонки смотрят на тебя.

– А она?

– Нет. Сидит, понурившись... Брат, она плачет: ее плечи вздрагивают.

Быстро повернувшись, я увидел, как подруги окружили Наташу и утешают. Моя упрямая воля уже начала качаться, но дружеская рука и язык Володи не давали ей упасть. И я держался, хоть и осознавал, что с минуты на минуту брошусь к Наташе и хотя бы утру ей слезы.

– Женские хитрости. Надеюсь, ты не поддашься. Ты же силен! – вполголоса вдохновлял меня Володя.

Вдруг Сыргак присвистнул. Посмотрев назад, я оказался свидетелем неприятной картины: наш новенький, Азат, поднялся со своего места и подошел к девушкам своей медленной, чуть раскачивающейся походкой. Наклонившись к Наташе, он положил руку ей на плечо и стал говорить что-то.

Кровь бросилась мне в мозг. Я вскочил, словно ошпаренный. Володя удержал меня.

– Ты с ума сошел, Кир?! – испуганно шипел он. – Ты сейчас выдашь себя при стольких людях. Неужели ты не понимаешь, что все это подстроено? Чистейшая провокация! На сто процентов уверен, комедия заранее была запланирована. Отсрочь ревность, сейчас она ни к чему.

– Послушай, – молвил Сыргак, – тебе лучше все-таки подойти к ней. Отбрось свою гордость. Ты же видишь, как ей плохо. Она...

– Заткнись, ублюдок! – выпучил на него глаза Володя. – Слушай, может, ты сам принимаешь участие во всем этом спектакле, диверсант двуликий?

– Да иди ты, придурок! – огрызнулся Сыргак. – Ты – диверсант и есть! Вместо того, чтобы помирить нашего друга и его девушку, ты, наоборот, подливаешь масло в огонь, еще больше ухудшая положение!

– Сам ты ухудшаешь положение! Сиди, наблюдай и докладывай! Не лезь не в свое дело! Кир сам знает, что ему делать. А нужно ему делать лишь одно – не поддаваться провокации.

– Да черт с вами! – махнул рукой Сыргак. – Действительно, мне-то что.

– То-то же! – одобрил Володя и сказал мне. – Кир, это провокация, тут все белыми нитками шито. Целую неделю она не приходила в университет, демонстрируя тебе свой характер. Но номер не прошел – ты остался абсолютно равнодушным. Видите ли, ты должен был, целуя ей руки, попросить прощения, осыпая себя проклятиями и повторяя: мол, я самый нижайший

подлец и так далее. Но ничего подобного не произошло, ты пример яростной непреклонности. В результате она пришла вся «измученная» и нюни проливает, притворяясь жертвой. Брат, ничем иным, кроме как гениальной актерской игрой, это не назовешь. Знаешь, Станиславский сказал бы «верю» и, более того, аплодировал бы. А то что Азат подошел к ней, – тоже один из ходов этой хитрой шахматной партии. Можешь не сомневаться, трюк был задуман заранее. Кир, не дай себя перехитрить. Отбрось в сторону ненужную ревность. Конечно, ты просто обязан жестко поговорить с ним, сделай это позже, не здесь. Иначе Наташа выйдет победителем.

– Что там происходит? – спросил я у Сыргака.

– Ничего особенного. Азат уже сидит на своем месте. Девушки снова смотрят на тебя и о чем-то шепчутся.

– А Наташка? Меня интересует лишь она.

– Сидит.

– Плачет еще?

– Не-а.

– Смотрит на меня?

– Она посмотрела на тебя и отвернулась!

– Есть! – Володя торжествующе сжал кулаки. – Это первый признак твоей победы, предпосылка к ней, точнее. Держись дальше – и она заговорит с тобой. Предполагаю, сначала будут упреки, позже она скажет, что прощает тебя, однако делает это исключительно потому, что любит. Наташа по-любому выставит себя жертвой, женскому полу присуща...

– Прошу, сатана, замолчи! – раздраженно остановил я его. – Просто замолкни... А ты, Сыргак, не молчи.

– Заходит препод. Девчонки отходят от Наташи, остаются рядом с ней лишь ближайшие подруги. Препод смотрит сюда.

– Господа, могу я попросить вас, чтобы вы повернулись лицом ко мне? – послышался вежливый голос преподавателя истории.

Мы с Володей выполнили его просьбу.

– Премного благодарен! – сказал Николай Сергеевич и уже громче объявил. – Наша сегодняшняя тема – «Английская буржуазная революция». Скажите, ребята, в каком веке она произошла?

– В семнадцатом, – выкрикнул Володя.

– Да... Назовите два главных имени этих событий.

– Карл Первый и Оливер Кромвель.

– Верно, господин Балакирев. Скажите, дамы и господа, кто такой Карл Первый?

– Английский король, – выпалил Володя.

– Кто же он был по национальности? – допытывался Николай Сергеевич.

– Естественно, англичанином.

– Нет, Балакирев, он не был англичанином.

– Он был шотландцем, – отозвался Азат.

– Правильно, – улыбнулся профессор истории. – Вы, кажется, новенький? Я впервые увидел вас на той неделе. Не считите за оскорбление, но я не запомнил вашего имени, хотя вы и проявляли тогда большую активность. Можете назвать мне его?

– Азат Каныбеков.

– Да, Каныбеков, вы ответили верно: Карл Первый был из Шотландии. Его династия называлась «Стюарты». Его отцом являлся Иаков Первый, сын злосчастной Марии Стюарт, так и не сумевшей сесть на трон в Лондоне. Почему? Кто-нибудь из вас знает, почему Мария Стюарт не стала королевой Англии?

Никто не знал ответа. Даже Володя притих. И лишь одному студенту было известно.

– Потому что ее казнили по приказу Елизаветы Первой, – ответил Азат.

– Bravo! – похвалил его Николай Сергеевич. – Елизавета Тюдор боялась, что может лишиться короны, ибо шотландская королева претендовала на эту корону. Но Стюартам все равно суждено было надеть ее. Более того, Стюарты стали королями всего острова и Ирландии. Замечу, титул великого и ужасного Генриха Восьмого Тюдора был скромнее – он правил лишь Англией и Ирландией... ну и Уэльсом, конечно. Ладно, это просто небольшое отступление от темы. Я хотел проверить, читаете ли вы историю. Вижу, этой замечательной наукой интересуются лишь два человека – Владимир Балакирев и Азат Каныбеков... Напоследок, прежде чем начать тему, спрошу вот что: как англичане называют короля Карла Первого?

– Чарльз! – хвастливо воскликнул Володя.

– «King Charles the First». Если вздумаете прочесть историю на английском языке, то возьмите на заметку. А как звучит имя Иакова Первого?

– Джейкоб? – уверенно попробовал Володя.

– Логика хорошая, – одобрил Николай Сергеевич. – Однако Иакова Первого в англоязычном мире именуют иначе. Как же?

Володя туповато заморгал глазами. Все взоры направились на Азата. Он выглядел взволнованным. Глаза приняли какое-то блестящее и вдохновенное выражение. Чувствовалось, что у него учащенно бьется сердце.

– Джеймс, – произнес он, и голос его странно дрогнул.

– Превосходная эрудиция! – Преподаватель восхищенно захлопал в ладоши. – Да, его называют «James the First». Запомнили? Теперь приступим к нашей увлекательной теме, – и он стал рассказывать историю английской буржуазной революции. Надо сказать, она никого не интересовала, за исключением Азата. И, конечно, Володя вполуха слушал лекцию. Изредка он бросал на Азата взгляды, которые, мягко говоря, нельзя было назвать дружелюбными.

Также и я не испытывал симпатии к Азату и сверлил его взором, сулящим беду. Новичок с такой легкостью рискнул, позволил себе эту дерзость – подошел к моей девушке, моей женщине. Он даже прикоснулся к ней. Не слепой же он, видел, что парни застыли, боясь шелохнуться. Хотя бы костным мозгом Азат должен был догадаться, они не подняли свою пятую точку от сидений не потому, что им наплевать на Наташу, а потому, что они очень сильно боятся меня. Они знают, какой ужасный я ревнивец. Каждый из них не прочь был бы дотронуться до нежных плеч обольстительной блондинки, но страх перед твердыми кулаками ее возлюбленного заставлял их отказаться от такой заманчивой затеи, чреватой тяжелыми последствиями. Азат же наплевал на все, утешитель хренов. Его наглому поступку лишь одно объяснение: кретин невероятно добр и участлив, еще и безрассуден, глуп, неосторожен. Впрочем, ничего нельзя исключать, он, наверно, не такой уж и простак, как прикидывается.

Черт бы побрал Володю. Проклятый болтун, кровопийца, комар жужжащий. Его абсурдная теория может иметь под собой основание, и Наташа и вправду выбрала Азата в качестве соучастника в затеянной ею аванюре. Клянусь, ей придется жестоко заплатить.

Урок истории заканчивался. В последние минуты Николай Сергеевич почему-то заговорил о литературе:

– Вы читали «Двадцать лет спустя» Александра Дюма-отца? Там мушкетеры прилагают все усилия, стараясь спасти Карла Первого от смертной казни. Но все безуспешно: голова монарха слетает с плеч, и кровь его капает на Атоса, спрятавшегося под эшафотом... Если не читали, советую заполнить этот пробел. Вообще, в книгах Дюма много истории. Правда, присутствует в них и анахронизм и громадная порция субъективности, вымысла, но в остальных произведениях замечательны. Много в них истории, друзья, много.

Глава 9

Володя не переставал напоминать, что я просто обязан по-мужски поговорить с Азатом.
– Кир, покажи ему, что шутки с тобой никогда не остаются безнаказанными, – безудержно повторял он.

Но я не мог найти открытого повода для этой процедуры. Если бы я полез на Азата с угрозами, я бы выдал себя с головой. Он бы рассказал все Наташе. Я ни в коем случае не должен допустить такую оплошность. Наташа останется не вкусившей сладкого плода победы, я перехитрю ее. Я сломаю ее дух, и она с горькими слезами и с просьбой о прощении прибежит, нет, приползет ко мне. Попадет глупышка в яму, которую сама же роет. Учítывая ее гордость, это случится, вероятно, не очень скоро, но все равно неотвратимо.

Проходили дни. Мы с Наташкой по-прежнему хранили молчание. Подчас взгляды наши встречались мимолетно, и я читал в ее глазах не дерзость, а грусть.

– Я чувствую, что стоит мне только подойти к ней, и она бросится мне на шею, – выразил однажды я свое предположение друзьям. – Мне кажется, она только этого и ждет.

– Конечно, брат, ты же мужчина, – согласился Сыргак. – Ты первый должен сделать шаг. Ты же виноват, Кир, ты обмолвился о девушках в Антибе и ранил ее. Но она продолжает любить тебя. Смело подойди к ней. Наташа будет рада.

– Ну да, она будет рада, – ехидно заметил Володя. – Еще бы ей не радоваться: она тогда одержит долгожданную победу!

– А Кириллу необязательно просить у нее прощения, – возразил Сыргак. – Он просто подойдет к ней и поздоровается. А дальше все пойдет как по маслу.

– С чего ты решил, что все будет хорошо? Полагаешь, когда Кир поздоровается с Наташей, она сразу же крикнет: «Привет, любимый»?

– Я уверен в этом!

– Да ни фига подобного! Она, чувствуя коварное удовлетворение, начнет пуще прежнего капризничать и изводить Кира в отместку за то, что он так долго противился. Эх, ублюдок, ты не знаешь женщин.

– И все же Кириллу надо попробовать. Он же ничего не потеряет.

– Ничего не потеряет?! – строил гримасу Володя. – Ты окончательно свихнулся, Сыргак. Он потеряет все – гордость, душу, мужское эго.

– А так он потеряет гораздо больше! Ни одна девушка не источала столько любви по отношению к своему парню, сколько делала это Наташа по отношению к Кириллу. Она боготворила его. Она всегда была нежна и чутка к нему. Несомненно, Наташа любила Кирилла.

– Ха, велика заслуга в том, чтобы любить Кирилла, – усмехнулся Володя. – Да любая девушка с большой охотой согласилась бы любить Кира так, как Наташа, а возможно, и сильнее. И это было бы честью для нее. Пойми, любая самка не прочь стать его подругой. А ты говоришь: «Наташа любила Кирилла». Может, и любила. Но тогда почему ради любви она не выкинет свою поганую гордость? Почему она разыгрывает тут шекспировские страсти? Зачем ей так досаждают нашему другу?... Кстати, Кир, не забудь про этого подонка, Азата. Поговори с ним.

– Нет же повода! – сердито буркнул я.

– Повода нет? – удивился Володя. – Брат, твоя девушка назвала его привлекательным – раз. Он посмел прикоснуться к ней – два. Как минимум, две причины, чтобы набить ему морду.

– Слушай, Володя, ты понимаешь, что несешь чушь? Ты не хочешь, чтобы Наташа победила, а сам твердишь, чтобы я поговорил с Азатом. Он же пожалеется ей. Она вычислит, что я из ревности расправился с ним. Ты же сам мне все уши прожужжал, чтобы я держался.

– Да, да, я это говорил, – промямлил Володя. – Что ж, мы найдем другой повод. Не беспокойся, я все устрою...

Через два дня Володя шепнул мне:

– Кир, готовь свои ноги. Ты сегодня не боксер, а кикбоксер.

В этот день уроки закончились раньше, и Володя объявил на всю аудиторию:

– Король студентов просит всех пацанов остаться на месте! Я сказал – пацанов! Девушки, исчезните с глаз долой!

Я отвел Володю в сторону и раздраженно спросил:

– Что ты затеял?

– Все по плану, братан, все по плану.

– Мог бы просто попросить парней остаться! Обязательно надо было врать, что я им велел?!

– Ты думаешь, они бы послушались меня?

– Я понятия не имею, что ты собираешься тут развернуть, но не ошибись, блин, не прогадай!

– Брат, доверься мне, – успокоил Володя, хотя у него не получилось.

Девушки вышли. Остались одни юноши. Лица их выражали озабоченность и любопытство. Только Азат сохранял невозмутимость.

– Парни, – обратился к ним Володя, – наш уважаемый брат Кирилл хочет сегодня поиграть в футбол.

Недоумение отразилось на моем лице. Володя незаметно мигнул мне, давая понять, чтобы я сидел и слушал дальше.

– Наша группа в последний раз гоняла мяч на первом курсе, когда мы играли против ребят из факультета менеджмента, – продолжил Володя. – С тех пор мы вообще заржавели.

– А кто наши соперники? – осведомились студенты.

– Никто. Междоусобица в группе.

– В который час?

– Прямо сейчас! – В голосе Володи чувствовалась твердость.

– Но мы же не в спортивной форме. На нас туфли.

– И что? – не унимался Володя. – Не босые же вы. И в туфлях можно забивать голы. А подавать мяч с угла удобнее всего именно в туфлях: ведь у них заостренная передняя часть, словно крючок. Так что, хотите вы или нет, вам придется осуществить желание нашего короля!

– Конечно, конечно, – зашебетали студенты.

– Но я не умею играть в футбол, – признался вдруг Азат. Его бледное лицо побледнело еще больше. В глазах стояла тревога. – Я не люблю бегать туда-сюда, я не умею обращаться с мячом и финтить.

– Тебя никто и не просит бегать, – сказал Володя. – Ты будешь стоять на воротах.

– Я не... – хотел возразить Азат, но потом махнул рукой. – Ладно, я буду вратарем.

– Ну вот, все согласны, – осклабился Володя. – Итак, ребята, берем свои портфели, сумки и топаем. Погода офигенная.

На спортплощадке Володя тихо пробубнил мне:

– Брат, обязательно выбирай меня и Сыргак – мы оба увлекаемся футболом. Не выбирай Азата. Пусть он останется у наших соперников. Так надо.

Было нас восемь парней, и в каждую команду распределилось по четыре. В мою попали Володя, Сыргак и еще один мой одноклассник, который должен был защищать ворота.

– Ребята, у нас сегодня будет необычный футбол, – кукарекал Володя. – Никаких первого и второго таймов нет. Также не станем засекать время. Просто играем – вот и все. Команда, первой забившая пять голов, победит. И, самое главное, – тут он многозначительно посмотрел на меня, – каждый из проигравших получит по пять ударов в попу. Удары будут непосредственными: то есть мячи тут ни при чем. Каждый из победителей по желанию выбирает того, кому он будет наносить удары.

Ах, стервец ты этакий! Находчивости тебе не занимать. Молодец! Ноги у меня не менее сильные, чем руки... Однако что же будет, если мы проиграем?

Володя, будто прочитав мои мысли, обнадежил:

– Причин для беспокойства нет, мы обязательно выиграем.

– А отчего такая самоуверенность? Может, мы проиграем. Я не собираюсь позориться и получать пинки.

– Хм, да найдется ли смельчак, который станет тебя бить?! Даже если наша команда и потерпит поражение, то удары получим мы трое. Ни у кого не хватит духу пинать Арсеньева.

– Если этот Азат рискнет?

– Ну, тогда нарисуеться неплохой повод: ты сочтешь себя оскорбленным и затеешь драку. Брат, не парься. Мы постараемся, чтобы до кулаков дело не дошло. К тому же, у твоих туфель очень острый носок. Ха ха ха, я не завидую Азату. Ха ха ха.

Я тоже захохотал. Вот действительно удобный случай расквитаться с этим наглецом. Мда, изобретательности Володе не занимать.

Заняв позиции, мы начали игру. Я не стану описывать ее подробно, так как закончилась она за считанные минуты. Никто и не предполагал, что Азат настолько неповоротлив и медлителен. Все пять голов он пропустил практически один за другим (Сыргак с Володей забили по паре, а я – один). Наши соперники успели отправить мяч в наши ворота лишь однажды, когда Илгиз зазевался.

Володя удивленно покачал головой. Мне кажется, он не ожидал, что Азат – абсолютный ноль в футболе.

– Лучше бы без тебя играли! – презрительно бросил Азату Гена, капитан наших соперников. – Обладаешь таким ростом, а не можешь нормально прыгнуть!

– Извините, что подвел вас. Я не хотел.

– Ну да, не хотел играть! – Гена сплюнул. – Благодаря тебе у нас будут мозоли на задницах!

Мы с Володей покатывались со смеху. Ну, держись, Азат. Сейчас ты почувствуешь такую жгучую боль в пятой точке и никогда не сядешь уже. Все время будешь стоять. Нашелся утешитель! Казанова недоделанный! Не надо было подходить к Наташе!

– Теперь начнем церемонию награждения! Как я уже говорил, футбол у нас сегодня очень странный, и эта церемония будет из ряда вон выходящей. Награждать будут не победителей, а пораженцев.

– Давай, не томи уже! – крикнул Гена.

– Нет, все должно быть неспешным и торжественным. Не стоит меня торопить. Как я уже сказал до начала матча, каждый победитель выбирает себе «жертву» и наносит пять ударов. Суммарное количество «медалей» равняется двадцати... Первым выбирает Кир.

– Я буду выбирать последним, – категорично заявил я. Если бы я выбрал Азата, то это показалось бы подозрительным, и факт ревности выплыл бы наружу, а я ведь не хотел ликования Наташи.

– Ладно, выбирает Илгиз, – громко произнес Володя, посмотрев на нашего вратаря.

– Азат, – сделал тот выбор.

Я прикусил губу от досады. Но Володя не растерялся.

– А ты знаешь, что между вратарями существует взаимное уважение? Собрать не бьет собрата.

– Тогда... Улан.

И Улан под всеобщий хохот и рукоплескания получил свои пять ударов. Не смеялся лишь Азат. Он чувствовал себя таким виноватым.

Володя выбрал Гену, и последний, корчась от неприятного ощущения, отошел в сторону. Сыргак «наградил» Адилета.

А мне не пришлось даже выбирать. И так уже было понятно, кому я отвешу пинков.

Злорадная ухмылка скривила губы Володи. Не знаю, почему, но казалось, он не любит Азата больше, чем я. То чувство, которое я испытывал к новичку, было просто неприязню. А вот Володя прямо-таки ненавидел его.

В глазах Азата я не прочел страха и волнения. На его красивом и вдохновенном лице было написано смирение со своей участью. Он не паниковал, не хмурился, но и не улыбался. Он сохранял спокойствие.

Повернувшись ко мне спиной, он стал ждать. Наступил кульминационный момент. Все шестеро парней стояли и смотрели на нас обоих. Они переводили свои хищные взоры с одного на другого, с секунды на секунду ожидая мощнейших пяти ударов. Они предвкушали захватывающее зрелище.

Азат стоял передо мной, и я видел его затылок, украшенный черными волнистыми волосами, почти закрывающими шею. Я видел его довольно широкие плечи, его чуть ссутулившуюся спину. Мой взгляд опускался ниже и вдруг остановился на его... ягодицах.

Какой же все-таки он худой, мелькнуло в уме, какая же у него плоская попа... И я, феноменально сильный, с накачанными, жилистыми ногами, должен бить ими эту несчастную попу... Без сомнения, ему будет очень больно. Возможно, я сломаю ему кость... Заслужил ли он это? Не знаю... Как можно расценивать то, что он подошел к Наташе и утешил ее? Простая человеческая доброта? Не исключено. Тем более, я уже замечал за ним это столь редкое в наши дни качество... Черт, стоит ли мне пинать его?.. Если честно, Азат мне ничего плохого не сделал. Понятия не имею, зачем ему надо было переводиться в наш вуз, но ничего плохого он мне не сделал...

Я в смятении посмотрел на Володю. Он, смекнув, что меня одолевают сомнения, резко кивнул в сторону Азата, указывая, чтобы я выполнил то, что намеревался. И снова впился я в худые ягодицы моей потенциальной жертвы.

Может, мне ударить слегка – так, чтобы было не больно?.. Но он не заслужил того, чтобы я его вообще бил. Разве виноват Азат, что родился красивым? Это же природа его таким создала. Азат – творение, что Господь вылепил, находясь в отличном настроении. Что или кого мы с ним не поделили? Он же ничего плохого мне не сделал, мало ли людей, которые меняют университеты. Может, наш универ понравился ему. Я не стану его бить! Он совсем не виноват в том, что женщины благоволят к нему. Он мне ничего, ничего, ничего плохого не сделал.

– Не хочу!.. Я отказываюсь!

– Как же так! – Володя аж почернел. – Кир, ты не имеешь права отказываться! Все эти ребята получили надлежащие им удары. И Азат также должен получить их! Все по правилам, братан, давай!

– Иди ты к черту!

– Ну, тогда позволь мне! – и Володя приблизился к Азату.

– А ну-ка, отошел! – заорал я. – Отошел, я сказал! Никто не бьет его, понятно?! Это решил я! Ни я, ни еще кто-то другой не посмеет лезть к нему!.. Церемония окончена! Расходимся!

Азат изумленно смотрел на меня. Потом он подошел ко мне своей медленной, чуть раскачивающейся походкой и мягко обронил:

– Если бы выиграли мы, я бы тоже не стал никого бить. – И глаза его увлажнились.

Глава 10

Прошло больше месяца с того дня, как я повздорил с Наташей, но мы не обмолвились ни единым словом. По правде говоря, я очень хотел подойти к ней. Но мужская гордость, еще и поджигаемая моим другом Володей, не позволяла мне идти на уступки, которых требовала совесть.

– Жди, братан, жди, и тогда она сама приползет, – обнадеживал меня верный Володя.

И я ждал того сладкого мига, когда Наташа, вся зареванная, обнимет мои колени, причитая слова прощения.

Что касается Азата, то он не общался с ней. Правда, я видел, что они просто учтиво здороваются друг с другом, но не более. Я полностью укрепился в вере, что между ними не было никакой интрижки. Я понял, они не разыгрывали меня, Азат приблизился к Наташке и успокоил ее добрыми словами не потому, что они об этом условились, дабы вызвать во мне жгучую ревность, а потому, что Азат – человек, обладающий чуткой душой. Конечно, Володя пытался разуверить меня в этом, но я не поддался его правдоподобным доводам. Не сомневался я, Азат очень честный и благородный человек, не способный ни на какую подлость и авантюру.

Между тем, я упрямо решил носить маску равнодушия и игнорировать Наташу. Володя с радостью поддерживал меня. Нет, нет, я не собирался отрекаться от Наташи – было бы жалко потерять такую барби, к которой я, буду честен, испытывал нечто похожее на любовь. Я просто-напросто хотел помучить ее, так как Володя беспрестанно повторял, что чем больше мужчина бессердечен к женщине, тем сильнее она привязывается к нему. Я был уверен, она все еще любит меня, и по этой причине мог позволить себе сей варварский каприз.

Стоит отметить, Наташа держалась молодцом. Она также не хотела сдаваться. Затянувшаяся ничья продолжалась...

Однажды я ехал по Нааматовскому проспекту и случайно увидел Азата. Он шел по тротуару, неся какой-то круглый предмет, завернутый в тряпку. Я свернул на обочину и дал протяжный гудок. Азат оглянулся и, узнав меня, улыбнулся своей приятной, ласковой улыбкой.

– Давай садись! – крикнул я.

– Мне недалеко идти! – крикнул он в ответ.

– Куда ты?

– В больницу, навестить бабушку!

– А-а, тогда увидимся!

– Пока! – помахал он рукой.

Через три дня я ехал по тому же проспекту и снова увидел Азата. Он был в той же одежде и нес тот же круглый предмет, завернутый в ту же тряпку.

Наверно, бабушка еще не выписалась из больницы, подумал я и проехал мимо. Азат не заметил моей машины. Он шел, как всегда, опустив глаза и задумавшись о чем-то.

Прошла неделя, и мой «Макларен» опять катил по Нааматовскому проспекту. И снова Азат шагал по тротуару своей медленной, чуть раскачивающейся походкой. Так же, как и в предыдущие разы, он нес круглый предмет. И тряпка, скрывающая этот предмет, была та же самая.

Опа, очевидно, у его бабушки серьезная болезнь, предположил я, если она все еще лежит в больнице... И все же какой же хороший у нее аппетит! Миска, вроде, не маленькая (я не сомневался, что таинственный круглый предмет – не что иное, как миска). Обычно старые люди много не едят.

Я хотел посигналить ему, но затем передумал. Лучше не отвлекать человека. Азат пошел своей дорогой, а я поехал своей...

В нашей группе парни и так недолюбливали Азата, а после того случая на спортплощадке люто возненавидели. Они не могли ему простить, что он избежал их участи, хотя, как им казалось, именно он в первую очередь должен был получить эти пять ударов. Ведь именно по его вине их команда так «позорно» проиграла.

Кроме того, им был непонятен мой поступок. Каким же образом получилось так, что я, имеющий все основания стереть Азата в порошок, вдруг ни с того ни с сего отказался от столь соблазнительного шанса?

На протяжении четырех лет я пренебрежительно относился к этим парням, вообще не считаясь с их мнениями. И ни к одному из них я не проявлял снисхождения, даже Володя с Сыргакком многократно испытывали на себе гнев короля.

Да, парни питали к Азату зависть и ненависть. Азата считали они счастливым. А Володя иронично награждал его прозвищем «фаворит».

– Как дела, фаворит! – недобро обращались к нему пацаны.

– Бэкингом хренов! – сквозь зубы цедил Володя.

– Ничего, ничего, найдется Фельтон.

Я понятия не имел, кто такие Бэкингем и Фельтон, и однажды спросил у Володи.

– Да так, исторические личности, – ответил тот. – Ничего особенного.

Клянусь, эти стервятники с радостью расклевали бы Азата, если бы не помнили, что произошло в «памятном» футбольном матче. Лишь это сдерживало их. Ведь они знали, что ослушаться Кирилла Арсеньева – все равно что засунуть голову в пасть недрессированного льва.

Что до меня самого, то неприязнь, что раньше была у меня к Азату, будто растворилась в воздухе. Наташа была права – Азат не был бабником. Обладая впечатляющими внешними данными и умом, он без всякого труда мог бы охмурить даже самую холодную и искушенную женщину, но он не пользовался своим преимуществом. Девушки одаривали его такими взглядами, что любой другой возгордился бы и стал считать себя хозяином женских сердец. Азат же, наоборот, очень смущался и, думается, досадовал.

Представители мужского пола зло посмеивались над ним:

– Он мужик или баба? Уж не п*дар ли?

«Азат – самый красивый парень после Кирилла», – говорили девчонки. Однако я понимал, что они добавляют «после Кирилла» чисто из нежелания обидеть меня. Они лицемерили. Но зато их лицемерие вселяло немножко спокойствия в мое сердце.

Некоторые из девушек подходили и общались с Азатом. Он дружелюбно и вежливо вел с ними беседы. Но как только девушки начинали кокетничать и флиртовать, он потихоньку отчаливал. Делал он это настолько деликатно, тактично, что они не держали на него зла. Меня удивляло, почему Азат избегает женского общества. Было впечатление, он боится представительниц слабого пола.

Впрочем, избегал он и мужского общества. Он вообще сторонился людей, предпочитал одиночество. При этом он всегда был вежлив и не забывал здороваться со всеми.

Азат совершенно не походил ни на одного из нас. Он не шутил, не ржал, не злился, не кричал, не заигрывал с девушками, не боялся, но и не хорохорился. Все же к нему была неприменима характеристика «ни рыба, ни мясо». Нет! Он был неординарной и интересной личностью, без сомнения.

Учился он превосходно, и преподаватели расхваливали его. Однако это ему не льстило. Он оставался беспристрастным к их похвалам, видимо, любил знание ради знания.

Я прежде никогда не видел такого человека, как Азат. Он был для меня новинкой. «Что за странный парень? – часто думал я. – Очень красивый и очень странный». Он вызывал во мне интерес и уважение. Мне не терпелось узнать о нем больше. Меня прямо разбирало любопытство – что за птица, этот Азат, откуда залетела в наш вуз?

Одевался он довольно скромно для нашего престижного университета. Ездил на автобусе. Никогда не участвовал в веселых молодежных мероприятиях, однако не пропускал интеллектуальные соревнования. Что еще? Азат добросовестно давал деньги, когда до тошноты активные девчонки собирали их по поводу дня рождения какого-нибудь преподавателя или студента. Порою мне казалось, он расстается с деньгами без энтузиазма. Вряд ли он был жмотом. Просто это могли оказаться его последние деньги.

Володя уже не научал меня жестко поговорить с ним, по-мужски, так как до него дошло наконец, что я не стану этого делать. И его ненависть к Азату возросла. Он старался словесно кольнуть его, задеть, но тому было хоть бы что. Иногда я допускал мысль, что Азата вообще невозможно оскорбить, вывести из себя, настолько уж миролюбивым он был.

Между ними часто возникали споры, в которых постоянно побеждал Азат. И Володя бесился еще больше. Что самое примечательное, Азат, несмотря на мягкий и добрый характер, никогда не уступал свою точку зрения. Он излагал ее спокойно, догматично, чего не скажешь о Володе, который краснел и вел себя неуравновешенно, сердито, тщетно доказывая, что он прав.

Один раз завязалась горячая дискуссия. Предметом спора стало солнце, вернее, его состав.

– Солнце полностью состоит из гелия! – повышенным тоном изрекал Володя. – Слово «гелий» означает «солнце».

– Я не отрицаю, что в составе Солнца немало гелия, – без всякой злости молвил Азат. – Но оно преимущественно содержит водород.

– Там никакого водорода нет. Пораскинь мозгами, разве может вода гореть?

– Я никогда не бывал на Солнце, да и никто не был, но в энциклопедии по астрономии написано, что светило состоит из водорода, гелия и других элементов. Пойми, я говорю то, что написано в авторитетном источнике.

– Не верю, ты врешь, – не унимался Володя.

– Честное слово, я действительно читал такую статью. Если не веришь, пойдем, покажу.

Они пошли в библиотеку, которая располагалась в нашем корпусе. По прошествии определенного времени Володя и Азат вернулись в аудиторию. Лицо первого выражало досаду, лицо последнего – облегчение.

В другой раз они спорили о том, кто является автором произведения «Великий Гэтсби».

– Я читал этот роман пару лет назад, – торжественно произнес Володя. – Если не ошибаюсь, его написал американский писатель... Кажется, Хемингуэй.

– Френсис Скотт Фитцджеральд, – поправил Азат.

– Кто? – Френсис Скотт Фитцджеральд.

– Да брось. Ни разу не слышал о таком писателе.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.